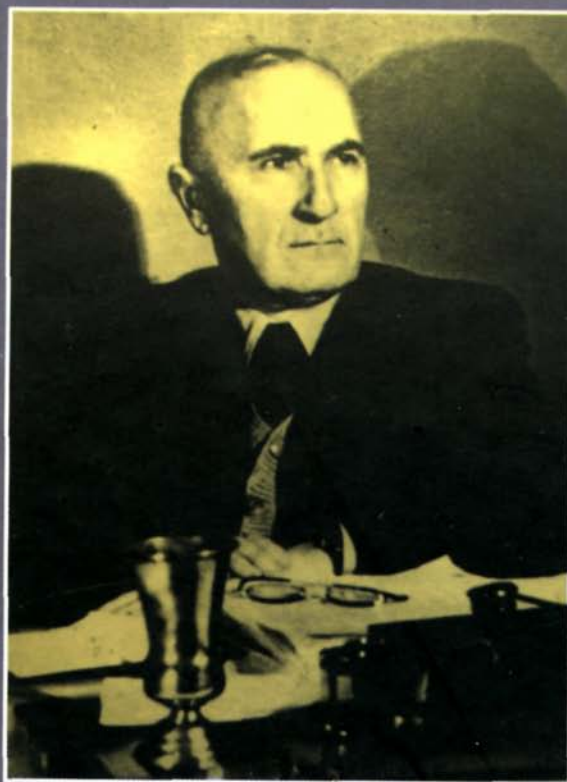

Д. Н. УЗНАДЗЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Субъект, индивид, личность ни в коем случае не могут считаться совокупностью психических функций, поскольку психика — это не сам индивид, а орудие, приобретенное им в процессе взаимодействия с внешней действительностью и используемое для ее преобразования; психика — это не сам субъект, а его «орган». И конечно же, с внешней действительностью взаимодействуют не «органы» индивида, а сам индивид, использующий их в процессе этого взаимодействия.

Любое переживание, тем более интенсивное, личностно значимое, существует не только в качестве конкретного содержания сознания субъекта, но и, в то же время, в виде определенной установки. Следовательно, когда данное переживание вытесняется из сознания, уничтожается, забывается как определенное содержание сознания, это не означает, что в субъекте от него ничего не осталось, ведь установка есть нечто совершенно иное, чем переживание как феномен сознания. Стало быть, исчезновение переживания не означает, что вместе с ним уничтожается и соответствующая ему установка.

Сознание вовсе не вводит нас в заблуждение, переживая волевой акт как свободный акт. Обращаясь к воле, человек заведомо ускользает от импульса актуальной ситуации, освобождается от его принуждения; он не дает возможности актуальной ситуации или, как сказал бы Левин, актуальному «полю», вызвать в нем установку соответствующего поведения. Субъект сам создает в себе установку определенной деятельности и, стало быть, самостоятельно вызывает эти действия. Но это уже свобода деятельности. Она предопределена только лишь субъектом, поскольку установка, лежащая в ее основе, полностью создана субъектом, ведь объективный фактор установки — ситуация — навязана не извне, а как воображаемая, мысленная ситуация представляет собой продукт активности субъекта.

Ю. 7163

Вся теория Д. Н. Узнадзе по своей глубокой философской сути была прорывом за границы понимания человека как рационально-адаптивного, т. е. приспособляющегося, существа, была и остается ярчайшей теорией, помогающей осознать ограниченность «интеллектуализма» и «рационализма» в социальной и духовной истории человечества.

А. Г. Асмолов

КНИГИ

АНОНС

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Д. Н. УЗНАДЗЕ

Д. Н. УЗНАДЗЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ответственный редактор И. В. Имедадзе

Москва • Санкт-Петербург • Нижний Новгород • Воронеж
Ростов-на-Дону • Екатеринбург • Самара • Новосибирск
Киев • Харьков • Минск

2004

ББК 88.3я73
УДК 159.9(075.8)
УЗ4

Серия «Живая классика»

Перевод с грузинского Е. Ш. Чомахидзе

Данное издание выпущено в рамках проекта «Восток—Восток»
при поддержке института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия
и института «Открытое общество» — Будапешт

ОХРАНЯЕТСЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РФ ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ.
ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ВСЕЙ КНИГИ ИЛИ КАКОЙ-ЛИБО ЕЕ ЧАСТИ
БЕЗ ПИСЬМЕННОГО РАЗРЕШЕНИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА ВОСПРЕЩАЕТСЯ.
ЛЮБЫЕ ПОПЫТКИ НАРУШЕНИЯ БУДУТ ПРЕСЛЕДОВАТЬСЯ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ.

Узнадзе Д. Н.

УЗ4 Общая психология / Пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; Под ред.
И. В. Имедадзе. — М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. — 413 с: ил. —
(Серия «Живая классика»).

ISBN 5-469-00020-6

Фундаментальный учебник, принадлежащий одному из классиков психологии
XX века и ранее не переводившийся на русский язык.

Психологам, историкам науки.

ББК 88.3я73
УДК 159.9(075.8)

ISBN 5-89357-121-5
ISBN 5-469-00020-6

© Издательство «Смысл», 2004

Научное творчество Узнадзе и проблемы общей психологии

Предисловие научного редактора

Научное наследие Дмитрия Николаевича Узнадзе в целом довольно плохо знакомо русской научной общественности. Это более чем странно, учитывая то обстоятельство, что он был признанным классиком «советской психологии». Исследования Узнадзе и его школы всегда привлекали особое внимание, а оригинальная общепсихологическая концепция установки служила предметом многочисленных обсуждений и дискуссий. В конечном счете, ей была дана самая высокая оценка — как масштабной теоретической системе, в которой наиболее плодотворно разработана категория бессознательного, более того, она рассматривалась даже как «советская альтернатива психоанализу». Все это, однако, происходило в условиях, когда многие значительные произведения автора были не переведены на русский язык и не изданы. Разумных оснований для существования подобного положения вещей вроде бы не было, однако оно оставалось неизменным вплоть до конца советской эпохи.

Мы не будем здесь анализировать субъективные и объективные предпосылки указанного парадокса, хотя с исторической точки зрения это было бы небезынтересно. Главное другое — по-видимому, ныне они в основном устранены. Русская научная общественность получила, наконец, возможность в полной мере ознакомиться с творчеством автора, интерес к которому существовал всегда и, думается, остается и поныне.

Предлагаемая книга отчасти будет способствовать удовлетворению этого интереса. Однако прежде чем коснуться непосредственно данной работы, имеет смысл в самых общих чертах охарактеризовать наиболее важные направления научного творчества Узнадзе с тем, чтобы еще раз напомнить, как мало оно знакомо русскому читателю и сколь много еще предстоит сделать для исправления положения.

Богатое научное наследие Узнадзе включает в себя произведения по философии, педагогике, истории, эстетике и психологии. Причем, вплотную исследованием психологической проблематики Узнадзе занялся лишь после 1918 года, переехав в Тбилиси, где в только что открывшемся университете начал организовывать первую в Грузии кафедру и лабораторию психологии. До этого он в Кутаиси занимался теоретической и практической работой в области педагогики, писал учебники по истории, а также исследования по эстетике и литературной критике, и особенно по философии.

Узнадзе по праву считается одним из основателей грузинской философской школы. Его работы в этой области включают в себя монографии по истории философии.

Предисловие

Представленная книга касается всех основных проблем общей психологии и может быть использована в нашей высшей школе в качестве учебника по психологии.

Как в этом убедится читатель, она заметно отличается от известных курсов психологии. В главном и существенном книга опирается на материалы, полученные в результате исследовательской работы, проведенной мною и моими сотрудниками. Этим объясняется наличие в учебнике глав, не встречающихся в других курсах, в частности главы, посвященной психологии установки, представляющей основную проблему нашей исследовательской работы.

Конечно, это вовсе не означает, что наша книга не считается с достижениями так называемой «классической психологии». Читатель убедится в том, что мы широко используем данные других исследователей, а также новейшие компендиумы, имевшиеся в нашем распоряжении (В. Штерн, Г. Дюма и др.). Думается, что читатель согласится, что в этих условиях не имело смысла продолжать первый том моих «Основ экспериментальной психологии» (1925), поэтому я предпочел вместо этого представить целостный курс психологии в виде данной книги. Первый том «Основ экспериментальной психологии» не утрачивает своего значения и после выхода этой книги, поскольку из его содержания в настоящее издание вошло всего несколько страниц и тому, кто интересуется, скажем, психологией ощущений, будет полезно обратиться именно к первому тому «Основ экспериментальной психологии», в котором данный вопрос широко рассматривается.

В завершение мне хотелось бы поблагодарить всех моих сотрудников — не только за коллективную работу, результатом которой является настоящая книга, но и за полезные замечания, учтенные и использованные мною.

Автор
Тбилиси
5 ноября 1940

Глава первая

Введение в психологию

Предмет и задачи психологии

Что такое психология, то есть что является предметом ее исследования как науки и каковы ее задачи? Несмотря на продолжительное историческое прошлое психологии, этот вопрос и сегодня остается спорным. Особенно велико различие во мнениях относительно предмета психологии, и мы, в первую очередь, должны остановиться на этом вопросе.

И действительно, что же исследует наша наука? Для того, чтобы понять, как должен быть решен данный вопрос на нынешней ступени развития науки, представляется наиболее целесообразным рассмотреть этапы, пройденные психологией в процессе своего исторического развития.

1. Метафизическая психология

На начальном этапе научного мышления предметом психологии считалась душа. Аристотель назвал свое основное психологическое исследование «Пери психе» («О душе»). Такое же положение сохраняется в средние века и в начале нового времени — психология считается наукой о душе. В течение веков это воззрение настолько упрочилось, что, к примеру, Гефдинг даже в нашем столетии счел возможным повторить: «Психология — это учение о душе; таково наиболее краткое определение, которое можно дать нашей науке».

Но неужели возможно на самом деле считать душу предметом психологии, как это представлялось на протяжении веков? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы тотчас же почувствовать необходимость его отрицательного решения. И действительно, что в целом является наиболее характерным для современной науки с точки зрения нашей проблемы? Несомненно то, что она изучает ту или иную сферу или сторону *действительности*. Предметом научного исследования является *действительность*. Поэтому ни в одной из отраслей научного знания, будь то естественные или социальные науки, не встречаем такого, чтобы исследовательский процесс начинался без постановки и положительного решения вопроса о действительности предполагаемого предмета изучения.

Каждая наука изучает ту или иную сторону непосредственно данной действительности: физика — физической, химия — химической. Предмет любой науки с не-

в центре нашего внимания находятся достижения памяти испытуемого. Однако для ясного понимания того, почему в различных условиях эти достижения различны, необходимо обратиться к самонаблюдению испытуемого.

Следовательно, в данном случае наш интерес направлен на объективные достижения памяти, а к самонаблюдению мы обращаемся лишь постольку, поскольку это может содействовать уяснению особенностей этих достижений.

Классификация явлений сознания

1. Трудности классификации

Наше сознание характеризуется *целостностью*. Несмотря на это, в нем все же удается выявить отдельные группы явно отличающихся психических качеств. Проблема классификации психических феноменов представляет собой одну из фундаментальных проблем психологии. Она издавна интересовала всех, кто занимался исследованием душевной жизни человека. Тем не менее, и сегодня невозможно утверждать, что психологией уже достигнуто окончательное решение данного вопроса и что она располагает единственной, приемлемой для всех классификацией. Напротив, если не всеми видными психологами, то, во всяком случае, большинством различных психологических школ разработаны собственные классификации. Это, по словам одного психолога, объясняется тем, что наши конкретные душевные переживания имеют весьма сложную природу, поэтому трудно размежевать все компоненты, в которых коренятся их специфические особенности. Имеется и методологическая трудность. Присущая нашему разуму монистическая тенденция легко порождает мнение, будто богатство содержания нашего сознания поддается единому систематизированному расчленению. Но фактическое положение таково, что общие различия между содержаниями сознания — различия, внесенные в душевную жизнь отнюдь не искусственно, а обусловленные самой ее природой, — тесно переплетаются друг с другом (Гайзер).

2. Старая классификация

Между тем, в общем взаиморазличие душевных феноменов столь очевидно, что оно не могло остаться незамеченным. Основные группы этих различий проявляются даже в нашей обычной речи: «я думаю», «я чувствую», «я желаю» — ведь все это подразумевает существование совершенно различных переживаний. Правда, этот случайный анализ наивного разума не удовлетворяет научные требования, но, тем не менее, именно он господствовал в науке вплоть до второй половины восемнадцатого века.

Даже сегодня, говоря об органах чувств, под чувством подразумевают зрительные, слуховые, вкусовые, обонятельные и осязательные способности; в то же время, аналогично именуется и удовольствие—неудовольствие. В действительности же совершенно ясно, что между переживаниями удовольствия—неудовольствия, с одной стороны, и цвета и звукового тона — с другой, существует безусловное качественное различие. Наивное самонаблюдение эту разницу не замечает — для него все богатство душевной жизни исчерпывается феноменами чувств (или представлений) и желаний. Точно так же рассуждала и старая наука, разделяя — вплоть до второй

половины восемнадцатого века — все многообразие душевных феноменов лишь на две основные группы: *познание* и *волю*.

В восемнадцатом веке, главным образом после немецкого психолога Тетенса, впервые стало очевидно, что психологическая природа переживаний цвета, звукового тона и прочих подобных феноменов явно отличается от переживаний удовольствия-неудовольствия. Поэтому возникла необходимость разделения так называемых «чувственных» феноменов на два различных класса, один из которых имеет познавательную природу, а другой — чисто эмоциональную. Первый был назван *ощущением* (*Empfindung*), а за вторым оставили прежнее наименование — *чувства*. В конечном счете, особенно в результате сильного влияния философа Канта, разделение душевных феноменов на три группы стало в философии и психологии обычным делом.

Следует отметить, что в содержании душевной жизни наличие этих трех качественных различных психических феноменов действительно дано наиболее непосредственно. Совершенно бесспорно, что познавательные, эмоциональные и волевые переживания вполне исчерпывают *основные* различия, наглядным образом данные в содержании нашего сознания. Поэтому данная классификация вполне приемлема.

3. Попытки классификации элементарных процессов

Однако психологический анализ не может остановиться на грубой дифференциации лишь тех форм переживания, наличие которых зримо подтверждает протекание психической жизни. Необходим дальнейший анализ этих сложных форм для обнаружения их первичных элементов, ведь вполне может оказаться, что эти первичные элементы, из которых строятся познавательные, эмоциональные и волевые феномены, совершенно не отличаются друг от друга или же, наоборот, их число намного превышает количество построенных из них форм.

В психологии XIX века встречаются почти все варианты решения этого вопроса. Некоторые исследователи (например, Мюнстенберг или Циген) решали вопрос монистически, стремясь свести все содержание душевной жизни на единственный элементарный процесс. Таковым обычно считалось *ощущение*. Другие — например, В. Вундт — говорили только об элементарных процессах — *ощущениях* и *чувствах*; и, наконец, некоторые к этим двум основным элементам добавляли третий, в частности элементарные акты *воли*.

Вопрос о том, насколько каждое из этих взглядов соответствует действительному положению вещей, обсудим в дальнейшем. Здесь же предварительно отметим, что, согласно распространенной сегодня точке зрения, основные элементарные процессы ощущений, чувств и воли должны быть признаны совершенно независимыми процессами, и старое разделение сложных душевных феноменов на три группы остается в силе и применительно к элементарным процессам.

4. Классификация Штумфа

Мнение о том, что содержание психической жизни человека проявляется в виде трех разновидностей психических явлений — чувств, ощущений и воли, представляет собой лишь одну точку зрения, не являющуюся единственной. Напротив, анализ нашего сознания, проводимый на основе исследований современной экспе-

риментальной психологии, доказывает не только возможность, но иногда и гораздо большую плодотворность классификации с иных аспектов. Наиболее явные и примечательные особенности психической действительности оказываются как раз за пределами данного подхода. Поэтому для их учета необходимо рассмотреть содержание нашего сознания и в другом аспекте.

Интересная попытка классификации психических переживаний с особой точки зрения предпринята Штумфом. По его мнению, всю сферу психических фактов можно разделить на четыре разные группы, первую из которых составляют *явления*, вторую — *психические функции*, третью — *соотношения*, а четвертую — *образования психических функций*.

Под *явлениями* Штумф подразумевает ощущения, включая пространственные и временные формы, и переживания боли и удовольствия, но эти последние не только как таковые, а вместе с их *представлениями*, то есть репродукцией. Зато психическими функциями он считал данность явлений и их соотношений, объединение их в комплексы; к психическим функциям им отнесены также образование понятий, радость и горе, любовь и ненависть, приятие и отвергание, усвоение и оценка. Согласно Штумфу, между этими двумя группами психических переживаний нет ничего общего ни логически, ни фактически; они представляют собой совершенно самостоятельные группы. В третью группу, как отмечалось, входят так называемые *соотношения*, то есть тождество, сходство и различие. И, наконец, четвертую группу составляют *образования психических функций*, то есть формы (очертания), понятия, ценности и цели.

Данная классификация Штумфа вызвала оживленный интерес, направив внимание исследователей особенно на вопрос «явлений» и «функций». В этом отношении значимость этой классификации бесспорна. Однако поскольку Штумф не считает в сущности явления — ощущения, чувства и их репродуктивные образы, то есть представления — психическими, постольку его классификация неприемлема. Психология изначально с особым вниманием исследовала именно эти процессы и немало преуспела в этом.

Зато несомненно, что наше сознание не исчерпывается только содержаниями (ощущения, представления и пр.), а содержит также и *функции*, или, как говорят теперь, *акты*, например мышление. В этом смысле классификация Штумфа безусловно заслуживает внимания.

Опосредованный характер психических процессов

1. Непосредственность воздействия физического на физическое

В современной науке считается аксиоматичным положением то, что между явлениями физической действительности существует неразрывная причинная взаимосвязь — одно явление воздействует на другое, становясь, таким образом, непосредственной причиной происходящих в нем изменений. И причина, и следствие относятся к одной действительности, то есть представляют собой физические явления. Стало быть, причину какого-либо физического явления следует искать опять же

среди явлений физического мира. Принцип замкнутой каузальности природы, принятый в современной науке, подразумевает, что физическое следствие может быть вызвано только лишь физической причиной. Между ними существует *непосредственная* связь. Воздействие одного на другое не нуждается в опосредовании через некое нефизическое явление. Не вызывает сомнений, что мощное развитие естественных наук нового времени, продолжающееся и поныне, было бы совершенно невозможным без признания данного принципа. Поэтому отнюдь не удивительно, что он был использован и при изучении других сфер действительности.

2. «Теория непосредственности» в психологии

Невзирая на то, что попытка использования «теории непосредственности» применительно к психической действительности явно сталкивается со многими трудностями, данная теория изначально была введена в психологию. Согласно основному положению данной теории, психическая действительность представляет собой отдельный мир, происходящие в пределах которого изменения находятся в неразрывной взаимосвязи, каузально определяя друг друга. Непосредственной причиной психического может быть только психическое, и происходящее в психике то или иное изменение может быть объяснено непосредственным воздействием опять-таки психического. Теоретическое обоснование этого положения было дано, прежде всего, родоначальником экспериментальной психологии Вундтом; фактическое же его использование имело место и до Вундта. Еще Гербарт объяснял содержание и жизнь всей психики взаимовлиянием представлений; на его взгляд, содержание сознания человека в тот или иной момент зависит от взаимосвязи его представлений. Примечательно, что по Гербарту эта связь носит чисто механический характер — сильное представление затемняет слабое, вытесняя его из сознания. Таким образом, содержание нашей психики в тот или иной момент полностью зависит от соотношения сил отдельных представлений. Именно поэтому Гербарт и говорил о *механике* представлений.

В еще более чистом виде теория непосредственности представлена главным образом в учении так называемой «*ассоциативной психологии*». Согласно ее основополагающему положению, содержание всей психики составляют представления, связывающиеся между собой по определенным закономерностям. Возникновение в сознании одного члена этой связи с необходимостью вызывает второго. Мысли, чувство, воля — одним словом, вся наша психическая жизнь основывается на подобной ассоциации представлений. Следовательно, все то, что происходит в психике, объясняется воздействием опять-таки психического — какого-либо ассоциированного с ним представлением; причины психического коренятся в психическом, на психическое действует психическое.

Вундт, противостоящий по своим основным взглядам как Гербарту, так и ассоциативной психологии, продолжал стоять на позиции теории непосредственности не только практически, в своей исследовательской работе, но и попытался дать ей философское обоснование. Он утверждает, что самое несомненное наблюдение, имеющееся у человека, это — единство его сознания, то есть взаимосвязь психических явлений. Психические явления сами связаны друг с другом, в своем непрерывном протекании они сами влияют друг на друга. Следовательно, психология как эмпирическая наука должна опираться на этот несомненный факт, объясняя все с этой

позиции. Это означает, что «всякий психологический процесс представляет собой закономерную связь явлений», в котором одно является причиной, а другое — следствием. Настоящее научное исследование в психологии, по мнению Вундта, возможно лишь при условии именно такого решения проблемы психической каузальности, то есть психический результат всегда будет объясняться воздействием психической причины; одним словом, психика должна быть сочтена совокупностью закономерно взаимодействующих и взаимосвязанных явлений.

Теория непосредственности господствует в психологии по сей день. На ней основывается даже одно из наиболее влиятельных направлений современной психологии — так называемая «гештальтпсихология». Смысл исходного принципа гештальттеории заключается в том, что в сфере переживаний друг на друга влияют не частные, элементарные процессы, создавая таким путем конкретные и сложные переживания, а, напротив, отдельное и частное определяется целым. Однако и целое, и частное представляют собой психические явления; следовательно, проблема психической каузальности здесь также решается на основе непосредственного взаимодействия психических процессов.

Таким образом, согласно распространенному в современной психологии взгляду, психическое *непосредственно* влияет на психическое.

3. Критика теории непосредственности

Среди современных психологов немало и таких, которые *не считают обязательным усматривать причины психических явлений исключительно в психических же явлениях*. Они отмечают, что на психику также могут воздействовать физические и другие непсихические процессы. Однако примечательно то, что и для них «теория непосредственности» продолжает оставаться аксиоматичным положением. Дело в том, что, по их мнению, физическое воздействует на психику также прямо и непосредственно, как и, наоборот, психическое на физическое. Например, укол иглой (физический процесс) непосредственно вызывает чувство боли, а это последнее (психический процесс), со своей стороны, — соответствующее движение тела.

Одним словом, согласно теории непосредственности, действительность — будь то физическая или психическая — воздействует на нашу психику прямо, без участия какого-либо опосредующего звена. Стало быть, психика находится в непосредственной связи с действительностью — именно она действует на действительность, и она же получает исходящее от этой последней воздействие.

Однако общеизвестно, что человек, как и всякий живой организм, сформировался и развился в процессе взаимодействия с внешней средой. Согласно теории непосредственности, предполагающей, что с действительностью взаимодействует не человек, а психика, именно эта последняя и является единственной силой, направляющей это развитие и создающей всю историю человека.

Разумеется, неприемлемость такого отрыва психики от целостного организма, целостной личности, недопустимое игнорирование значения роли этой последней не могло остаться незамеченным и в западной психологии. Конечно же, ею было признано то, что с действительностью взаимодействует субъект, а не оторванная от него психика. Однако понять этот несомненный факт с позиций теории непосредственности можно, лишь попытавшись свести человека как активную сущность, как личность к психике, доказав, что субъект по сути не представляет собой ничего иного,

Глава третья

Психология установки

Установка

1. Проблема целесообразности: механицизм и витализм

Организм действует как единое целое, он отвечает на воздействие среды как целостность; возможность этого, как мы увидели выше, дают ему поразительные анатомические и физиологические особенности. Однако эти целостные действия имеют смысл лишь в том случае, если они осуществляется целесообразно, то есть дают организму возможность удовлетворения своих потребностей и, в целом, лучшего приспособления к среде. Мы знаем, что живому организму присуща способность осуществления именно таких целесообразных действий, ведь в противном случае он бы неизбежно погиб, вообще жизнь была бы невозможна, а действия организма — лишены какого-либо смысла.

В этой связи возникает вопрос: каким образом возможна эта целесообразная деятельность? Как это удастся организму? В западной науке до сих пор имелись два различных ответа на этот вопрос: *механистический* и *виталистический*. Согласно механистическому взгляду, действия организма определены чисто механической закономерностью: организм является настоящей машиной, работа которой зависит от внешнего воздействия. Свое крайнее выражение механицизм нашел в известном представлении Декарта о том, что животное является настоящей машиной, автоматом, целесообразность поведения которого достигается без его активного вмешательства. В современной психологической науке позиции механицизма особенно отстаивают так называемые *рефлексология* и *бихевиоризм*, согласно которым объяснение поведения животных и человека сводится, в конечном счете, к установлению лишь физико-химических закономерностей. Ведь поведение живого организма так же представляет собой явление природы, оно не содержит ничего специфического и, как все в природе, должно быть сведено к физико-химическим процессам.

Виталистическая точка зрения стоит на совершенно иной позиции. Согласно этому взгляду, физико-химическое объяснение целесообразности действий животного не является убедительным. Организм как носитель жизни существенно отличается от неорганической материи, и поэтому его действия определяются совершенно иным, особым фактором. Целесообразность поведения организма строится отнюдь не на по-

чве физико-химических процессов, являясь следствием специфического фактора, который содержит каждый живой организм. Этот фактор представляет собой нематериальную *сущность*, или *силу*. Одни называют его *интелехией*, другие — *психоидом*, а некоторые — *животной энергией*. В зависимости от того, что организму нужно в данный момент, этот фактор самостоятельно действует на него, внутренне направляя его в том или ином направлении. Так возникает целесообразное поведение. Это последнее, следовательно, в объяснении не нуждается: живой организм изначально располагает особой силой, дарующей ему способность целесообразного действия. Такова точка зрения витализма.

Само собой разумеется, что ни одно из этих представлений не является приемлемым. Механизмизм отрицает специфичность живого организма, следовательно, для него жизнь не представляет собой новую ступень развития, оставаясь в пределах закономерностей неорганического вещества. Витализм впадает в другую крайность, создавая непреодолимую пропасть между органическим и неорганическим, усматривая между ними абсолютное различие, поскольку считает нематериальным то, что специфично для организма.

Этот вопрос может быть решен только на основе материалистической диалектики: между органическим и неорганическим не существует пропасти, поскольку органическое также является одной из форм движения материи, которое, как и неорганическое, подчиняется ее закономерностям. Следовательно, все, что в нем происходит, должно быть объяснено определенными физико-химическими причинами. Органическое, живое, подобно неорганическому, включено в непрерывную причинно-следственную цепь, и для понимания какого-либо происходящего в нем явления нужно непременно найти его причину. Одним словом, все определено причиной.

Основная ошибка витализма заключается в том, что он допускает в организме существование *силы*, действие которой определяется не причиной, а целью. Если, например, для организма является полезным, нужным, то есть целесообразным то или иное движение, то эта *сила* обеспечит осуществление именно этого движения. Однако неверно и то, что отстаивает механизмизм. Органическое действительно является одной из форм движения материи, и его полный отрыв от неорганического недопустим. Но оно является живой материей и, как более высокая форма развития материи, представляет собой высшую ступень ее *организации*. В качестве такового органическому присущи новые качественные особенности, которые не могут быть полностью сведены к закономерностям неорганического, заведомо подразумевая новую, специфическую закономерность — *биологическую*, без которой понять действия организма было бы совершенно невозможно.

2. Проблема целесообразности: установка

Как надо понимать эту специфическую особенность организма? Каждому живому существу, каждому более или менее сложному организму в основном свойственно целесообразное поведение. Оно представляет собой специфическую особенность, качественное «приобретение» органической материи, совершенно чуждое неорганической. Таким образом, наша проблема заключается в том, чтобы выяснить, каким образом поведение организма, как одной из форм материи, будучи безусловно причинно обусловленным, в то же время характеризуется целесообразностью.

Вначале попытаемся выяснить истоки целесообразного характера поведения живого существа. Не подлежит сомнению, что данное свойство поведения предподре-

3. ИЛЛЮЗИЯ соотношения количества. В установочных опытах испытуемому даются две замкнутые фигуры, в одной из которых расположено много точек, в другой — мало. В критическом опыте их число одинаково. В результате возникают обычные иллюзии.

К общей психологии установки

Особенности протекания ИЛЛЮЗИЙ И характер их направленности должны, в основном, зависеть от действия лежащей в их основе установки. Поэтому правомерно предположить, что наблюдение за протеканием этих иллюзий пригодится и для изучения самой установки. Создание установочных иллюзий, изменение условий их возникновения, протекания и затухания экспериментально не представляет сложности. Это обстоятельство позволяет собрать достаточно обширный экспериментальный материал о природе и характере действия основы установочных иллюзий — фиксированной установки. Опираясь на этот материал, сегодня уже можно кое-что с уверенностью утверждать о природе и характере действия фиксированной установки.

1. Установка не является чисто локальным или периферическим процессом; это, по существу, состояние субъекта как единого целого. Поэтому говорить отдельно о мышечной или сенсорной установке, как это часто делается, неправильно.

Несомненным доказательством этого является следующий факт: с целью создания установки испытуемому для сравнения даются в руки несколько раз, скажем — 15 раз, два различающихся только по объему шара: в правую — маленький, в левую — большой. В результате этих опытов, как мы уже знаем, у него должна выработаться фиксированная установка. Как можно проверить, действительно ли установка возникла? Предложим испытуемому сравнить равные шары, и если их оценка вместо адекватной окажется ошибочной, то это — показатель того, что установка сформировалась. Но пока мы можем быть уверенными только в том, что установка образовалась в том органе испытуемого, который участвовал в установочных опытах, то есть в руке. Однако посмотрим, что произойдет, если после установочных опытов испытуемому дать для сравнения шары не в руки, то есть гаптически, а визуально. Соответствующие опыты подтверждают, что у испытуемого иллюзия возникает и в этом случае. Следовательно, не подлежит сомнению, что установка у испытуемого возникла не только в том органе (руке), который участвовал в установочных опытах, но и в органе (глазе), не имеющим ничего общего с этими опытами.

Однако можно поставить опыт и противоположным образом, то есть установочные опыты провести в визуальной сфере, а критические — в гаптической. Результат будет аналогичный: действие установки проявится не только в сфере установочных опытов, но и в области критических.

Можно пойти еще дальше, перенести эти опыты на более отдаленные органы; и здесь часто встретимся со случаями действия установки в сферах, совершенно отличных от области установочных опытов.

Вывод отсюда очевиден: *установка не является исключительно местным, локальным явлением; это — состояние не отдельного органа, а субъекта как такового, то есть единого целого.*

Складывается впечатление, что созданная в одном месте установка распространяется и на другие места, генерализируется, или, как говорят физиологи, ирради-

Глава четвертая Психология эмоциональных переживаний

Эмоциональные переживания

1. Крайние этапы работы сознания

Роль установки в процессе поведения живого существа очень велика. Велика она, в частности, и в процессе поведения человека. Однако величайшие достижения человека тем не менее не могут быть объяснены непосредственным влиянием установки: оставаясь только лишь под этим непосредственным влиянием, человек, наверное, никогда бы не сумел подняться над уровнем жизни животных. Специфическая особенность человека и, в то же время, его величайшее достижение, как раз в том и заключается, что он способен высвободить свое поведение от *непосредственного* господства установки с тем, чтобы подчинить его *установке, опосредованной активностью сознания: сознание — самый специфический фактор поведения человека.*

Однако сознание отнюдь не вещь, чтобы пребывать раз и навсегда в определенном, неизменном состоянии. Сознание — скорее процесс, который в каждом частном случае проходит несколько ступеней развития. Разумеется, его начальный этап следует искать в первичном отражении действительности, то есть *установке*: любой акт сознания опирается и исходит из нее. Следовательно, первый этап развития сознания все еще непосредственно увязан с установкой, целостным состоянием субъекта; это скорее отражение так или иначе настроенного субъекта, нежели дифференцированная картина действительности. Это последнее достигается сознанием лишь на конечном этапе его развития: его конечная цель состоит в сознательном отражении многообразия объективной действительности.

Таким образом, два крайних этапа работы сознания — начальный и конечный — таковы: вначале сознание представляет собой отражение целостного состояния субъекта, являясь *субъективным и целостным*; на последней же ступени, наоборот, сознание стремится к отражению дифференцированного многообразия объективной действительности и имеет *объективный и расчлененный* характер. Обычная работа сознания протекает между двумя этими взаимопротивоположными полюсами.

Естественно возникает вопрос: в виде каких явлений проявляются эти этапы развития сознания?

2. Относительная примитивность эмоциональных переживаний

В первую очередь интересно выяснить, благодаря чему наше сознание представляет отражение *субъективного* состояния целостного характера. Каковы те наши переживания, которые в силу их существования на границе с нашими установками могут быть сочтены наиболее примитивной формой проявления сознания?

Рассмотрим различные содержания нашего сознания. Начнем с того, что обычно называют *познавательными* процессами: восприятие, представление, мысль — все это с необходимостью подразумевает какой-либо объект и позволяет получить сведения о чем-то существующем вне нас, то есть объективной действительности: и восприятия, и представления, и мысли безусловно представляют собой отражение объективной действительности, существующей независимо от нас, а не субъективного мира. Поэтому-то их и называют познавательными процессами.

Основная тенденция познавательных процессов состоит не в некоем общем отражении объективной действительности, а по возможности в точном, расчлененном, дифференцированном ее отражении. Диффузное восприятие, представление или мысль своей цели не достигают. Отражение целого, при котором его частные моменты остаются в тени, например, восприятие дерева без его частей, их свойств: листьев и их цвета, — одним словом, восприятие, представление или мышление о чем-либо без знания его свойств ни в коем случае не соответствует смыслу и предназначению познавательных процессов.

Таким образом, для познавательных процессов характерна именно объективность и по возможности максимально расчлененное отражение этой объективности. Познание стремится к точному отражению всего многообразия объективной действительности.

Следовательно, очевидно, что познавательный процесс соответствует скорее конечному полюсу развития сознания, нежели его начальной фазе, характеризующейся противоположными свойствами.

А сейчас обратимся к так называемым *эмоциональным* переживаниям: удовольствие и неудовольствие, любовь и ненависть, страх и гнев... Что является для них характерным? Представим себе, что мы испытываем одно из них, например страх, удовольствие или же любовь. Разве хоть одно из этих переживаний передает какой-либо признак или момент объективной действительности или же, в общем, является отражением чего-либо объективно существующего? Разумеется, нет! Воспринимая зеленый цвет растения, подразумеваем, что тем самым происходит постижение цвета растения: растение имеет именно такой цвет, и об этом нам известно благодаря восприятию. Но получаем ли мы хоть какие-то сведения об объективной действительности, испытывая удовольствие или любовь? Конечно же, нет! Любовь или удовольствие — *мое состояние*, а не признак какого-либо объекта. Это относится и ко всем остальным эмоциональным переживаниям.

Следовательно, эмоциональное переживание представляет собой только состояние субъекта.

Но в то же время нетрудно заметить, что, например, любовь вовсе не является таким же внутренне дифференцированным, расчлененным переживанием, как, скажем, точное восприятие дерева. Любовь как состояние субъекта характеризует его целостное «я», а не какую-либо его часть; в этом смысле она представляет собой переживание с *целостным* содержанием.

Психология эмоциональных переживаний

101

1. Инстинкт самозащиты.....эмоция страха
2. Инстинкт агрессии.....эмоция гнева
3. Инстинкт отвержения.....эмоция отвращения
4. Инстинкт родительский.....эмоция нежности
5. Инстинкт зависимости.....эмоция беспомощности
6. Инстинкт размножения.....эмоция сексуальная
7. Инстинкт любопытства.....эмоция удивления
8. Инстинкт подчинения.....эмоция покорности
9. Инстинкт самоутверждения...эмоция гордости
10. Инстинкт социальный.....эмоция одиночества
11. Инстинкт охоты.....эмоция аппетита
12. Инстинкт собственности.....эмоция обладания
13. Инстинкт строительства.....эмоция творчества
14. Инстинкт смеха.....эмоция радости

Просмотрев данную классификацию, нетрудно заметить, что здесь в некоторых случаях инстинктом именуется то, что ни в коем случае не является таковым; точно также эмоцией названо то, что не может считаться эмоцией. Это объясняется ошибочностью исходной позиции классификации Мак-Дугалла. Человек — социальное существо, поэтому его эмоциональная жизнь, столь тесно связанная с социальным развитием, не может быть сведена к инстинктам, ведь это означает полное отрицание какой-либо возможности ее развития. Следуя точке зрения Мак-Дугалла, выходит, что эмоции человека, подобно его инстинктам, даны раз и навсегда и изменить их невозможно.

Классификация В. Штерна имеет менее принципиальный характер. Она исходит из соображения, что эмоция — это состояние целостной личности, а потому должна быть изучена в связи с целостным протеканием жизни личности, где особое значение имеет *время*: жизнь человека протекает в настоящем, но включает и его *прошлое*, и *будущее*. В соответствии с этим чувства могут быть разделены на три группы:

1. *Чувства настоящего*, в которые входят: настроение, аффект, чувства, направляющие собственное повседневное поведение, и чувственный тон переживаний.
2. *Чувства, направленные на будущее*. Таковыми являются потребность как чувство, предчувствие будущего, ожидание, страх, надежда.
3. *Чувства, направленные на прошлое*. Положительные: чувство близости (любовь, верность, патриотизм); отрицательные: печаль, чувство зависимости.

Для классификации более пригодным основанием является не время, а объективное обстоятельство, в связи с которым возникает чувство. В этом смысле заслуживает внимания классификация Курта Шнайдера. Как справедливо отмечает Шнайдер, всякая эмоция непременно касается чего-то, имея *характер реакции*. Это нечто может быть трех видов: состояние, сам субъект или некто другой. Отсюда три вида эмоций:

А. *Эмоции состояния*:

- а) *приятные* — радость, удовольствие, веселье, счастье, спокойствие, уверенность, довольство;

б) *неприятные* — печаль, тоска, страх, апатия, грусть, огорчение, беспомощность, ностальгия по Родине, отчаяние, тревога, содрогание, обида, гнев, злость, зависть, ревность, недовольство, пустота.

Б. *Эмоции, направленные на себя:*

а) *приятные* — сила, гордость, самолюбование, защита собственного достоинства, упрямство, чувство собственного превосходства;

б) *неприятные* — смущение, чувство вины, сожаление, стыд, сдержанность, скромность.

В. *Эмоции, направленные на других:*

а) *приятные* — любовь, симпатия, доверие, сочувствие, уважение, интерес, одобрение, благодарность, благорасположение, преклонение, восторг;

б) *неприятные* — ненависть, отвращение, недоверие, игнорирование, вражда, унижение, недовольство, возмущение.

Кроме этих чувств, существуют эмоциональные переживания, включающие в себя как приятные, так и неприятные элементы: например, грусть, отказ и др.

В целом, удовлетворительной классификации эмоций не существует до сих пор. Это объясняется недостаточной изученностью самой природы эмоций. Классификация Шнайдера практически более пригодна, чем другие.

Качественная характеристика эмоциональных переживаний

1. Субъективность

Эмоциональное переживание имеет *субъективный* характер, то есть переживается как состояние субъекта, чем резко отличается от всех остальных переживаний; в этом смысле удовольствие—неудовольствие и возбуждение—успокоение совершенно не отличаются друг от друга. Однако этот признак особенно присущ именно эмоциям; как известно, истинно субъективным состоянием является только эмоция. Чувства, разумеются, также являются субъективным состоянием, но в данном случае очень большую роль выполняет и объективный момент: ведь чувство переживается как отдельное свойство или сторона объекта, отраженные в нем. Тем не менее, между ощущением и чувством все-таки существует большая разница: если первое переживается чисто объективной данностью без какого-либо присутствия субъекта, например цвет или звук, то второе, то есть чувство, всегда подразумевает субъекта, а если в нем и присутствует что-то от объективного обстоятельства, то всегда лишь в аспекте соотношения с субъектом; например, *приятный* голос.

Таким образом, субъективность — необходимый признак всех эмоциональных процессов: как простых чувств, так и сложных эмоций.

2. Полярный характер

Специфическая особенность эмоциональных переживаний заключается в том, что каждое из них содержит два полярно противоположных направления: удовольствие и неудовольствие, возбуждение и успокоение, то есть состоят из полярно противостоящих членов. Это объясняется полярной природой того, что лежит в основе

Глава пятая

Психология поведения

Импульсивное поведение

1. Живое существо и витальная потребность

Ничто так не специфично для живого существа, как наличие у него *потребностей* и необходимость самому *заботиться* об их удовлетворении. Это значит, что для него характерна активность, то есть он должен установить определенные взаимоотношения с внешней действительностью, без чего, разумеется, ни одна потребность не может быть удовлетворена. Несомненно, что данная активность составляет по существу все содержание жизни; говорить о жизни вне активности было бы неуместно. Отсюда ясно, что понятие потребности занимает исключительное место в любой науке, ставящей себе целью понимание живого существа, тем более в психологии.

Потребность — источник активности. Там, где нет потребности, не может быть и речи об активности.

В этом смысле понятие потребности является очень широким. Оно касается всего, в чем нуждается живой организм, но чем он в данный момент не обладает.

Однако то, в чем живой организм может испытывать нужду, зависит от уровня развития самого организма. Потребности развиваются, и очевидно, что человек на нынешней ступени развития обладает множеством таких потребностей, подобных которым нет не только у животного, но и у человека, стоящего на примитивной ступени культурного развития.

Тем не менее, есть и такие потребности, без которых не может существовать ни один живой организм, на какой бы ступени развития он ни находился. Подразумеваются потребности, связанные с жизнедеятельностью организма, — питание и размножение, то есть основные витальные, или чисто биологические потребности. Потребности в питании, росте, размножении имеются у любого живого организма — как самого простого, так и самого сложного. Конечно, это не означает, что в процессе развития эти потребности остаются неизменными, что у амебы и у человека потребность в питании является одинаковой. Нет, в данном случае мы хотим подчеркнуть лишь то, что всякий живой организм, на какой бы высокой ступени развития он ни находился, имеет витальные потребности, поскольку без них жизнь невозможна вообще. Однако вряд ли, конечно, сегодня кто-либо может отрицать, что и эти потребности развиваются, усложняются, становясь все более разнообразными.

2. Витальная потребность и поведение

Что же характерно для витальной потребности? Во-первых, совершенно не обязательно, чтобы она была дана и психически. Достаточно, если она существует объективно, то есть организм действительно в чем-то нуждается. Невзирая на то, что субъект может даже не знать о наличии витальной потребности, он все-таки безошибочно прибегает к средствам, необходимым для ее удовлетворения. Это происходит приблизительно так, как в случае потребности дыхания. Организм вовсе не чувствует особо, что он в чем-то нуждается, что это нечто — воздух, добыть который можно только через дыхание. Тем не менее, он нормально дышит, и для этого ему не нужен ни собственный предварительный опыт, ни чья-либо помощь.

Так по существу обстоит дело во всех случаях основных витальных потребностей. Если новорожденному ребенку, организм которого нуждается в питании, то есть при наличии у него потребности в пище, положить в рот сосок груди, он тотчас начнет сосать, хотя его этому никто не учил. Точно также не нуждается в обучении ни теленок, сразу находящий нужную траву, ни цыпленок, который клюет зерно, а не, скажем, песчинки, хотя у них еще нет никакого опыта.

Одним словом, животное изначально, вне научения, находит соответствующий корм, должным образом обращаясь с ним. Витальная потребность сама направляет организм к нужному предмету — он научается находить предмет удовлетворения потребности отнюдь не постепенно, и при наличии определенной потребности из бесчисленного множества предметов, находящихся в окружающей среде, на него воздействует именно тот из них, который может удовлетворять эту его потребность. В результате у живого существа возникает установка соответствующего поведения, а при отсутствии преград реализуется и само это поведение. В таком случае обычно говорят, что у живого существа, будь то цыпленок или человек, имеются врожденные способности удовлетворения некоторых потребностей; любое живое существо не только обращается именно к тому, что может удовлетворить его потребности (цыпленок — к зерну, а не к песку), но и прибегает к поведению, посредством которого можно достигнуть цели (начинает сосать, клевать и т.д.). Такое врожденное целесообразное поведение обычно называют *инстинктом*, подразумевая, что оно связано с основными элементарными потребностями.

3. Обслуживание как отдельная форма поведения

Однако такая картина наблюдается только в том случае, когда удовлетворение потребности не встречает никаких препятствий, когда среда непосредственно предоставляет то, что нужно для удовлетворения имеющейся потребности. Например, когда в изобилии имеется воздух, то для нормального дыхания организму нужно просто дышать им; или же перед цыпленком на песке разбросаны зерна, и он начинает их клевать. В таком случае процесс удовлетворения потребности протекает сам собою, не требуя вмешательства сознания, и все поведение действительно протекает инстинктивно. Но таков лишь первичный вид поведения, то есть примитивная активность, направленная на *сам процесс удовлетворения* потребности, а не на *добывание средств*, необходимых для этого. Данная форма активности известна под названием «*потребления*», и мы видим, что она осуществляется вне участия сознания, а именно — в виде *инстинктивных актов*.

Однако допустим, что на пути удовлетворения потребности возникло препятствие, например затруднилось дыхание. Что же произойдет в этом случае? Несом-

Глава шестая Психология восприятия

Элементарные условия и закономерности восприятия

1. Сущность восприятия

Активность бывает двух видов: *акция*, то есть спонтанное (независимое, свободное) воздействие субъекта на объективную действительность, и *реакция*, то есть активность, возникающая в результате воздействия на субъекта объективной действительности. Объективная действительность, как видим, должна существовать в обоих случаях — без нее невозможна никакая активность. Однако ее только лишь объективного существования недостаточно, необходимо, чтобы и субъект в каком-то виде переживал ее. Такое переживание объективно существующего называют *восприятием*. Я воспринимаю вот эту книгу, вот эту тетрадь — это означает, что теперь данные предметы существуют и для меня, что сейчас и я их замечаю, переживаю.

2. Раздражение

Для чувственного восприятия необходимы две вещи: должны существовать, во-первых, нечто объективное, воздействующее на субъекта, а во-вторых — некий аппарат, делающий возможным переживание этого воздействия. Первое обычно именуется «раздражителем» или «раздражением», а второе — «органом чувств».

Раздражителем можно считать все, что может *воздействовать на наши органы чувств*. Однако после Фехнера раздражителем обычно считался лишь элементарный физический процесс, полученный в результате анализа воздействующего на нас предмета или явления. Например, согласно Фехнеру, раздражителем следует считать не аккорд, а отдельный тон, который дает анализ этого аккорда, или, вернее, элементарный физический процесс, соответствующий каждому отдельному тону. Но в современной психологии, не разделяющей элементаристически-физиологического определения раздражения, раздражителем принято считать именно аккорд.

3. Органы чувств

Орган чувств в широком смысле этого слова состоит из трех основных частей. Первая часть представляет собой *рецептор* — внешний аппарат со специфическим строением для получения раздражения. Вторая часть — *проводящий нерв*, по которому раздражение поступает в третью часть органа чувств — центр, расположенный в соответствующей сенсорной области головного мозга. Органы чувств четко отделены друг от друга, особенно это касается четырех органов чувств — зрения, слуха, обоняния и вкуса. Каждый из них расположен в определенной части тела, и соответствующие раздражения принимаются исключительно благодаря им: лучи света пронизывают весь организм, но как раздражитель свет воздействует только лишь на глаза. Точно так же происходит и в случае слуха, обоняния и, возможно, вкуса.

Особое место в этом смысле занимает так называемый «пятый» орган чувств — поверхность нашего тела, кожа, или, как его называют, *орган осязания*. Как выяснилось, он вовсе не представляет собой орган только лишь одного чувства. В нем обнаружился целый ряд органов в виде отдельных точек, воспринимающих раздражения тепла и холода и позволяющих ощутить температуру, также точек, воспринимающих раздражение осязания, и, наконец, отдельных участков для рецепции болевого раздражения. К этому следует добавить окончания чувствительных нервов в *мышцах* и *суставах* как органы совершенно иного чувства — *кинестетического чувства* и, наконец, орган *равновесия* тела, расположенный во внутреннем ухе, в трубках формы полумесяца и специальных мешочках, имеющих внутри нервные окончания, раздражение которых происходит посредством движения так называемой «эндолимфы» в трубочках и так называемых «отолитов» в мешочках.

Пятый орган чувств занимает особое место не только благодаря тому, что включает в себя целый ряд отдельных и различных органов чувств, но особенно и потому, что он не выделен из всего организма так же четко, как вышеотмеченные четыре органа чувств. Когда мы что-либо видим или слышим, то всегда чувствуем, что воздействию раздражителя подвергаются именно эти части тела — глаз, ухо. Но когда дело касается пятого органа чувств, то это не всегда происходит так. Бывают случаи, когда трудно сказать, какой участок тела чувствует тепло или холод, какая часть тела подвергается давлению. Находясь, например, в воде, мы воспринимаем ее температуру и давление всем телом, а не его отдельными частями, в частности, отдельными температурными или осязательными точками. Данная особенность еще более явственно проявляется в случае *кинестетического* ощущения и, особенно, чувства *равновесия*. В этом плане пятое чувство действительно занимает особое место. И в самом деле, потребовалась специальная исследовательская работа для уяснения того, что здесь имеем дело с целым рядом различных органов чувств, тогда как органы зрения и слуха, обоняния и вкуса в открытии не нуждались — их существование было очевидным изначально.

Роль органов чувств очень велика, ведь именно они дают возможность отражения существующего вне нас объективного мира и установления с ним соответствующих отношений. Для приспособления живого организма к внешней среде, целесообразного воздействия на нее, безусловно, большое значение имеет то, насколько близко должен подойти организм к источнику раздражения, к раздражителю, чтобы ощутить его воздействие. В этом плане решающее значение имеет строение принимающего аппарата органов чувств — рецептора. Существуют такие органы чувств, которым необходим непосредственный контакт с раздражителем для отра-

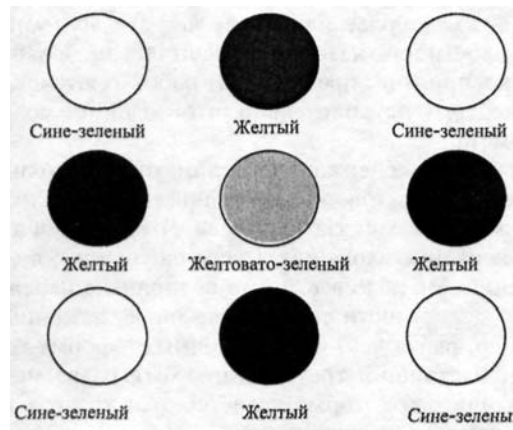

Рис. 1

остальные сине-зеленые (см. рис. 1). Если поместить центральный круг в группу одноцветных кругов, например, желтых, то он покажется не желто-зеленым, а желтым, тогда как в группе сине-зеленых кругов он приобретает синева-зеленую окраску.

Вывод очевиден — цвет части зависит от целого, а не наоборот; иначе говоря, цвет меняется в зависимости от того, частью какого целого он переживается. Данное положение можно обобщить: не свойства гештальта зависят от свойств его частей, а, напротив, свойства части зависят от свойств целого.

Таким образом, мнение о самостоятельности части ошибочно; приоритет принадлежит целому, гештальту.

Гегемония гештальта над тем, что входит в него в качестве части, настолько велика, что целое может оставаться неизменным даже при полном изменении частей. Возьмем случай восприятия какой-либо мелодии. Понятно, что одна и та же мелодия может быть исполнена и басом, и тенором. Но это означает, что высота тонов будет различной; следовательно, будут совершенно различны и ощущения; тем не менее, восприятие остается неизменным — звучит одна и та же мелодия. Неважно, какого цвета чернилами — черными или красными — написано то или иное слово, в обоих случаях оно читается одинаково легко; невзирая на различные цветовые ощущения, оно одинаково выглядит. Это называется *переносом*, или *транспозицией*, гештальта.

Бывают случаи, когда в группе раздражителей, составляющих содержание восприятия, недостает одного из элементов. Интересно, будет ли при этом чувствоваться какой-либо изъян в восприятии целостности? Достаточно вспомнить факт корректурных ошибок, как ответ станет очевиден — восприятие целого может быть совершенно безукоризненным. Зачастую корректурные ошибки мы не замечаем, даже если в слове пропущены одна или две буквы, или же вместо одной буквы написана другая, мы все же читаем это слово правильно, будучи уверены в том, что оно написано без ошибок.

Этот факт давно замечен. Прежде говорили так: содержание восприятия отнюдь не исчерпывается ощущениями, в него входят и представления, и, когда в нем не хватает какого-либо ощущения, оно может быть восполнено представлением. То, что мы не замечаем корректурных ошибок, объясняется тем, что, поскольку в прошлом мы неоднократно читали данное слово, то теперь в процессе чтения в соответствующем месте возникает представление пропущенной буквы.

Согласно этой теории, восприятия, содержание которого полностью состоит из ощущений, не существует вовсе. Представления в большей или меньшей мере обнаруживаются в содержании любого восприятия. Когда мы видим, например, сахар, у нас в действительности имеется лишь ощущение его цвета. Однако в содержании данного восприятия входит и представление вкуса. Обычно в содержании восприятия все-таки всегда преобладают ощущения. Когда же случается, что в нем преобладают представления или они выполняют большую роль, чем ощущения, тогда мы имеем дело с ошибочным восприятием — так называемой *иллюзией*. Если, к примеру, в темном лесу куст покажется зверем, то это — иллюзия; в данном случае какие-то ощущения несомненно имеются (например, мы видим форму куста), но к этому добавляются представления, и в целом получается восприятие зверя. Когда же содержание восприятия составляют исключительно представления, то в таком случае дело имеем уже с *галлюцинацией*. Например, когда Гамлет видел призрак отца. Такова старая теория.

Однако принять данную теорию весьма трудно. Дело в том, что, читая слово с корректурной ошибкой правильно, мы пропущенную букву не представляем, а прямо видим. Поэтому сегодня более распространено иное объяснение: целое в определенных пределах не только меняет свои части, но и по мере надобности создает их. Гештальту присуща тенденция к самовосполнению, и именно она и действует в данном случае.

В общем следует отметить, что гештальт всегда стремится к завершенности, выраженности. Тенденция к завершенности, о которой говорилось выше, представляет собой частный случай данного стремления. Однако, дело не исчерпывается только выполнением; интереснее, что гештальт *совершенствуется*, принимая более четкий *выраженный* вид. Например, если провести линию или начертить квадрат от руки, объективно ни одна из этих фигур не будет вполне правильной геометрически. Но при восприятии неточность исправляется, и чертеж кажется лучше. Данное явление имеет очень большое значение. В нем находит свое выражение основной закон гештальта («закон *пребности*»), благодаря которому все кажется имеющим более совершенную и правильную форму, чем на самом деле (так называемая «*ортоскопичность*»).

7. Факторы гештальта

Содержание восприятия гештальтно; оно таково изначально, а не в результате акта соединения отдельных ощущений. Однако бесспорно и то, что в восприятие того или иного предмета входит многое такое, что само может быть предметом самостоятельного восприятия. Например, хотя бы вот это слово, которое мы сейчас читаем. В качестве слова оно является отдельным гештальтом, предметом отдельного восприятия. Однако очевидно и то, что в то же время мы можем воспринять и отдельные буквы; в этом случае каждая из них также будет представлять собой предмет отдельного восприятия и иметь собственный гештальт. Или же вот то дерево. Как дерево оно является отдельным гештальтом; но предмет моего восприятия составляет и вот то яблоко, что висит на нижней ветке слева, — ведь и оно, как таковое, дано в содержании восприятия в виде гештальта. Одним словом, предметы как целостные гештальты состоят из частей, в свою очередь также представляющих собой отдельные гештальты.

В таких условиях, естественно, встает вопрос: как происходит объединение этих отдельных частей в целостные гештальты? Какие факторы лежат в основе процесса гештальтизации?

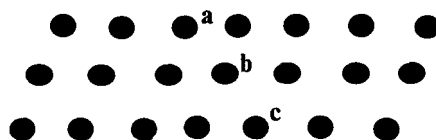

Рис. 2

Данный вопрос был специально изучен представителями гештальттеории, в частности, главным руководителем этой школы М. Вертхаймером, открывшим, по его мнению, целый ряд факторов гештальта.

1. Скажем, перед нами двадцать точек, расположенных так, как показано на рис. 2.

Как мы воспринимаем эти точки — каждую в отдельности или они составляют целостные группы? Достаточно немного приглядеться к ним, чтобы удостовериться в том, что мы имеем дело с вполне определенными группами, каждая из которых содержит по три точки (слева направо, а не наоборот, в соответствии с «а-в-с»). Это — несомненный факт. Что лежит в его основе? Вертхаймер тут говорит о *факторе близости*; и в самом деле, в этом случае группирование происходит по принципу наименьшего расстояния. Примечательно, что данный принцип имеет силу не только в сфере зрения и пространства. Слуховые впечатления так же подвержены воздействию этого фактора — соседние звуки объединяются в одну группу, создавая *ритм*.

2. В случае, показанном на рис. 3, в первую очередь бросаются в глаза вертикальные, а не горизонтальные столбцы. Перед нами предстают отдельные столбцы, состоящие из окружностей и точек. Что лежит в основе такой группировки? В данном случае сослаться на близость невозможно, так как все элементы равноудалены друг от друга; следовательно, близость как фактор исключается. Остается сходство: схожие элементы расположены вертикально. Значит, здесь мы имеем дело со вторым фактором, *фактором сходства* — *схожие элементы имеют тенденцию объединяться в один гештальт*.

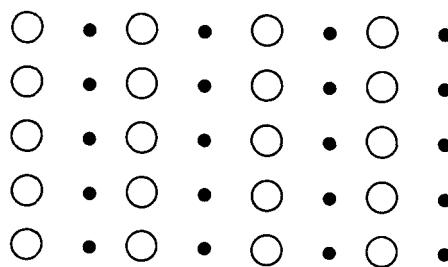

Рис. 3

3. Допустим, что в ряде точек, сгруппированных по три по принципу близости, каждый третий член нечетной группы и первый и второй члены четной группы расположены над этой строкой; тогда вместо групп, созданных по принципу близости, мы получим две группы точек: отдельно группу точек, находящихся наверху, и отдельно группу точек, расположенных внизу (см. рис. 4). Этот третий фактор Вертхаймер назовет *фактором общей судьбы*.

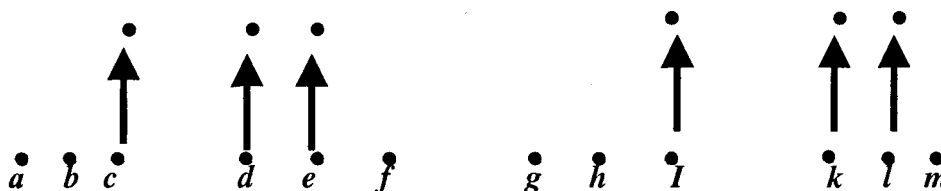

Рис. 4

4. В зависимости от того, что предшествует констелляции определенных стимулов, различна их организация: ожидание влияет на восприятие. Данный фактор называют *принципом установки*, или *фактором диспозиции*, гештальта.

5. Важным фактором является фактор *внутренней принадлежности*, или фактор *хорошего гештальта*. Возьмем следующие рисунки (см. рис. 5):

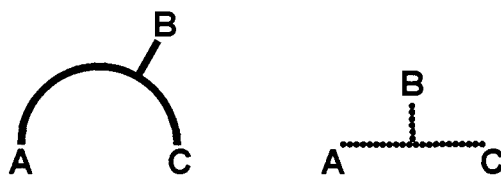

Рис. 5

В первом случае мы видим две линии — AC и B; во втором случае мы опять-таки AC и B. Но это противоречит закону близости, поскольку точка C расположена ближе к B, а не A. Но в силу того, что A и C представляют собой продолжение друг друга, они принадлежат друг другу и поэтому создают целостность.

6. Затем идет *фактор замкнутости*: когда из A, B, C и D линий — AB/CD содержат замкнутые и завершенные процессы, а AC/BD — открытые и незавершенные, при восприятии преимущество отдается первым.

7. Значение имеет также *фактор расположения* (см. рис. 6). На рисунке и слева (a) и справа (b) изображено по два шестиугольника. Различие между этими шестиугольниками ограничивается их расположением: слева (рис. 6a) они имеют минимальную область соприкосновения, справа (рис. 6b) — общее основание. В результате в первом случае мы видим каждую из этих фигур по отдельности; во втором же случае вместо двух фигур мы воспринимаем всего лишь один целостный шестиугольник. Следовательно, расположение может способствовать как созданию, так и разрушению гештальта.

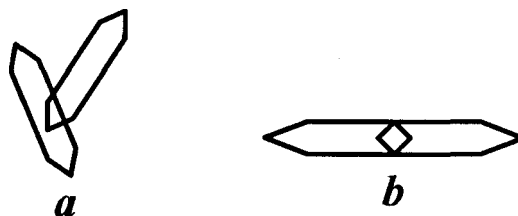

Рис. 6

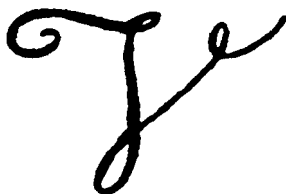

Рис. 7

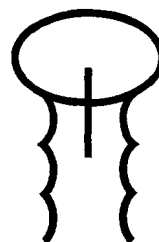

Рис. 8

8. Некоторую роль играет также *фактор опыта*, или *привычки*. Человек в первую очередь видит то, с чем ему чаще всего приходилось сталкиваться (см. рис. 7). Фигура, изображенная на этом рисунке, для эллиниста будет изображением двух греческих букв — сигмы и гаммы, а для латиниста — латинское V. Однако влияние опыта проявляется только в том случае, когда он не противоречит другим факторам гештальта, поскольку опыт, сколь бы большим бы он ни был, не сможет преобразовать гештальт, построенный под воздействием других факторов. Например, бесспорно, что современный человек очень часто имеет дело с цифрами. Несмотря на это, на предложенном рисунке (см. рис. 8) никому не бросаются в глаза гештальты цифр 3 или 4 и, тем более, гештальты Е или S.

Таким образом, в основе объединения содержания восприятия в целостность лежат определенные факторы. Однако следует отметить, что какой бы гештальт, какую бы целостность они ни создавали, любой гештальт, согласно наблюдению представителей гештальтпсихологии, стремится к максимальной *полноте* и *завершенности*. Это основной закон гештальтизации, известный под названием «*прегнантности гештальта*» (Вертхаймер).

8. Фигура и фон

В действительности мы никогда не воспринимаем предметы как отдельные, полностью оторванные от окружения, одиночные — любой предмет воспринимается на своем определенном *фоне*. Настоящее восприятие подразумевает и одно, и второе — как *фигуру*, то есть сам предмет, так и его *фон*. Восприятие представляет собой *единство фигуры и фона*. Следовательно, невозможно предполагать, что они взаимоиндифферентны, то есть для фигуры безразлично, каким будет фон, и наоборот. Нет! Фигура влияет на фон, а фон — на фигуру. Обратимся к примеру. На рис. 9 изображена ваза на черном фоне. Фигура дана четко, ее гештальт совершенно ясен; он изнутри расчленен и выделен от фона четкими контурами. Совершенно иную картину дает фон. Он представляет собой бесформенное, неопределенное пространство, почти полностью лишенное какой-либо гештальтности; он изнутри недифференцирован и четко не выделен от окружения — он сам является окружением. Теперь попробуем превратить в фигуру то, что на нашем рисунке было фоном, а в фон — то, что прежде было фигурой. Приглядимся внимательнее к черному фону! Это же профили человеческого лица: один — справа, другой — слева. Они обращены друг к другу. Вполне отчетливо видны лоб, нос, подбородок — одним словом, черный фон теперь превратился в дифференцированную целостность — в человеческое лицо со своими частями. В то же время оно определенными контура-

Рис. 9

ми выделилось от окружения. Зато изменилась прежняя «фигура». Белая ваза уже не видна. На ее месте находится безликое пространство, недифференцированное изнутри и не выделенное от окружения.

Этот пример хорошо иллюстрирует взаимовлияние фигуры и фона: *фигура, в отличие от фона, воспринимается как гештальт*.

При восприятии действительности мы всегда воспринимаем предметы на каком-то фоне. Поскольку фигура и фон воспринимаются по-разному, большое значение имеет то, что воспринимается фигурой, а что — фоном. Последователи гештальтпсихологии остаются на уровне описания, утверждая, что в виде фигуры воспринимаются те части чувственной действительности, которые в силу наличия более благоприятных условий для создания целостности имеют лучший гештальт; в качестве же фона выступает часть среды, составляющая худший гештальт. Обычно в фигуру превращаются более маленькие и более расчлененные части действительности, а в фон — имеющие больший размер и хуже дифференцированные.

9. Критика гештальтпсихологии

То, что содержание восприятия имеет целостный характер, известно давно. Подмечено было и то, под воздействием каких факторов части объединяются в целостную структуру. Классическая психология отстаивала следующее положение: восприятие представляет собой комплекс элементарных психических процессов, ощущений. Стало быть, ее задача заключалась в выявлении этих элементов. Например, вопрос восприятия пространства по существу мог считаться решенным, если бы было определено, из каких именно ощущений оно складывается.

Большая заслуга гештальттеории заключается в том, что она сделала серьезный шаг в направлении изучения настоящего, живого, конкретного восприятия. Для гештальттеории главным является целое. Поэтому задача психологии заключается в изучении этого целого. А это означает, что, во-первых, должны быть точно описаны формы проявления этих целостностей, а, во-вторых, с учетом того, что целое представляет собой самостоятельную, первичную реальность, следует установить и исследовать присущие ей специфические закономерности.

Факторы и законы гештальтизации Вертхаймера представляют собой одну из серьезных попыток установления данных закономерностей. Эти факторы и законы бе-

живание перед глазами, что позволило бы сопоставить, сравнить с ним репродуцированное представление, было бы легко понять, является ли это репродуцированное представление тем же самым, что и прошлое переживание, то есть действительно ли оно является воспоминанием. В случае совпадения нашего представления с прошлым переживанием у нас безусловно появилось бы переживание соответствия — полная убежденность в том, что мы действительно имеем дело с фактом воспоминания. В противном же случае, конечно, репродуцированное представление нам, подобно пациентке Клапареда, показалось бы не репродукцией, а совершенно новым переживанием. Однако, как известно, переживание прошлого и его репродукция в памяти почти никогда не совпадают, иногда между ними нет достаточного сходства, а иногда случается и так, что абсолютно новое представление переживается репродукцией прошлого, как в случае парамнезии («*deja vu*»). Следовательно, если бы прошлое переживание действительно сохранялось в неизменном виде, а репродуцированное представление сопоставлялось именно с ним, то случаи парамнезии не возникали бы никогда. Как видно, переживание воспоминания возникает в довольно необычных условиях: имеющееся в памяти представление мы признаем репродукцией и у нас появляется мнемическая убежденность даже тогда, когда прошлое переживание не только не очень-то походит на самого себя, но иногда дает совершенно отличную от этого прошлого переживания картину. Факт переживания воспоминания имеет место и в таких парадоксальных условиях. Но возможно ли как-то объяснить это?

К счастью, это не невозможно. Предложенное нами понятие установки полностью отвечает данному условию. И действительно, репродуцирует, вспоминает что-либо субъект, за которым, как известно, стоит его прошлое, однако не в виде переживания, испытанного им в действительности, или его следа, а надлежащей установки; старое переживание продолжает существовать в виде не переживания, а установки, и именно это имеет решающее значение. Репродуцированное представление противопоставляется не представлению переживания или восприятия прошлого, а установке. Следовательно, соответствуя этой установке, оно, тем самым, соответствует прошлому и является репродукцией прошлого, но так, что при этом не является зеркальным отражением, неизменной копией прошлого переживания. Неудивительно, что в этих условиях для возникновения мнемического переживания, чувства мнемической убежденности совершенно не обязательно, чтобы репродукция была полным повторением оригинала; вполне возможно, чтобы это переживание возникло и в случае полного несоответствия старого и нового переживания, как это происходит при парамнезии.

Таким образом, чувство убежденности, чувство воспоминания возможно потому, что прошлое впечатление продолжает существовать не в виде отдельного переживания или его следа, а установки.

Заболевания памяти

1. Гипермнезия

Существует три патологических формы действия памяти: гипермнезия, гипомнезия и парамнезия. Рассмотрим вкратце каждую из них.

Гипермнезия проявляется в избыточной возбужденности памяти. Она в общем встречается редко и еще недостаточно хорошо изучена. Нельзя сказать, что случаи

Глава восьмая

Психология мышления

Мышление

1. Восприятие и мышление

Ощущение, восприятие, представление и мышление представляют собой познавательные процессы. Следовательно, каждый из них служит отражению действительности, и в этом плане между ними существенной разницы нет. Различие состоит лишь в том, какую сторону действительности отражает каждый из них. Обычно отмечается, что ощущение и восприятие дают непосредственное отражение предметов, явлений и их качеств; представление служит этой цели, но только применительно не к актуальным, а действующим в прошлом объектам. Следовательно, подразумевается, что все эти три функции по своему содержанию в сущности служат по сути одному и тому же делу, создавая возможность непосредственного отражения предметов, явлений и их качеств.

Однако действительность отнюдь не исчерпывается только предметами и явлениями. Она содержит также многообразные связи, отношения и соотношения, существующие между этими предметами и явлениями. Поэтому несомненно, что без отражения этих последних говорить о правильном и полном познании действительности невозможно. Именно эту задачу, то есть отражение соотношений, и возлагают обычно на мышление. Соответственно, определение данного понятия выглядит следующим образом: *мышление является отражением объективного мира в его связях и отношениях*, а восприятие представляет собой отражение предметов и процессов.

Однако подобное разобщение восприятия и мышления неоправданно. Неправомомерно думать, что живому существу для отражения предметов дана одна функция, а для отражения существующих между ними отношений — другая. Хотя мышление справедливо считается специфической особенностью человека, однако это, конечно, отнюдь не означает, что мы постоянно размышляем. Зачастую наше поведение протекает вне участия мышления. В нашей повседневной жизни такое случается сплошь и рядом. Там, где нужно решать привычные задачи, мышление излишне; нам для этого вполне хватает наших навыков. Однако это вовсе не означает, что в таких случаях наше поведение протекает без учета существующих во внешней среде связей и отношений. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к совсем простому примеру. Скажем, вот сейчас, когда я пишу эти строки, мне понадобилась красная чер-

нильница, стоящая на моем письменном столе слева от черной чернильницы. Достаточно окинуть взглядом стол, и рука по мере надобности протянется именно *влево* — в направлении красной чернильницы, а не *вправо* — к черной чернильнице. Кроме того, черная чернильница находится *ближе*, а красная — *дальше*. Примечательно, что когда мне нужна красная чернильница, я изначально же протягиваю к ней руку с более сильным импульсом, чем в направлении черной чернильницы. Как видим, движение моей руки в данном случае предопределено именно *соотношением*: в одном случае это *вправо—влево*, в другом — *дальше—ближе*; чернильница, лежащая справа, вызывает движение руки вправо, а более дальний предмет определяет более сильный импульс движения.

Разумеется, ни в одном из отмеченных случаев выполнение целесообразных движений не требует специального размышления и осмысления. Бесспорно, что в данном случае установление *соотношений*, лежащих в основе целесообразных движений, не требует вмешательства мышления. Так откуда же они берутся?

По-видимому, переживание соотношений не должно быть функцией только лишь мышления. Приведенный нами пример с очевидностью показывает, что относительная близость или отдаленность чернильницы, как и ее нахождение справа или слева, дано *вместе с переживанием этой чернильницы*, ведь красную чернильницу я воспринимаю как находящуюся слева и дальше, а не просто как чернильницу как таковую. Несомненно, что в данном случае *источником переживания соотношения следует считать восприятие*.

В психологической литературе проблема переживания соотношений стоит давно, являясь одним из наиболее спорных вопросов. Одни исследователи допускают возможность *восприятия* соотношений, другие же считают это невозможным, полагая, что постичь взаимоотношения можно лишь с помощью *мышления*. Для этих последних постижение отношений всегда представляет собой продукт мышления, тогда как для сторонников первой точки зрения взаимоотношения могут быть даны и при восприятии.

В пользу этого последнего соображения наиболее веские доводы приводит А. Брунсвиг. Он показал, что о невозможности непосредственного восприятия отношений можно говорить лишь в том случае, если мы заранее уверены в том, что на нас воздействуют только лишь раздражители, соответствующие ощущению, а не отношения, существующие между самими предметами. Как писал Брунсвиг, «когда я смотрю на два цветных пятна или две линии различной длины, то испытываю некое состояние, которое можно охарактеризовать следующим образом: я *непосредственно вижу*, что цвета похожи или что из двух линий А длиннее, чем В; и это непосредственное видение безусловно следует считать восприятием, пусть не чувственным восприятием, но все-таки восприятием, то есть *непосредственным постижением объекта*».

Таким образом, восприятие соотношения (А длиннее, чем В) в данном случае сомнений не вызывает.

Разумеется, подобные случаи непосредственного переживания соотношений может подтвердить каждый из нас. А то обстоятельство, что в западной психологии, невзирая на это, мнение о невозможности восприятия соотношений достаточно широко распространено, объясняется тем, что они продолжают стоять на идеалистической позиции. И действительно, изначально подразумевая, что соотношения существуют не объективно, а представляют собой лишь формы нашего познания, привнесенные нами — как считал, например, Кант — тогда очевидно, что восприятие соотношений следует признать невозможным. Однако для нас очевидно, что

Глава девятая Психология внимания

Внимание

1. Что такое внимание

Что такое внимание? Что мы подразумеваем, говоря о внимании? Обратимся к примеру. Скажем, в аудитории присутствует несколько десятков студентов, а профессор читает лекцию. В данном случае на всех действуют приблизительно одинаковые внешние раздражители: слышен голос лектора, во дворе кто-то поет, там же рабочие пилят доски... Таковы слуховые раздражители. Еще более велико число зрительных раздражителей: перед каждым субъектом расположено множество предметов различной формы и цвета — доска, кафедра, стены, лампочки, сам лектор, его очки... свет в аудитории, тетради на столе, карандаш в руке, сидящие рядом и впереди товарищи... Точно также неисчислимы раздражители и других модальностей — тактильные, кинестетические. Одним словом, среда содержит огромное множество раздражителей, и эта среда воздействует на всех находящихся в аудитории лиц.

Посмотрим, каково содержание сознания каждого из этих субъектов, которое должно представлять собой отражение именно этой среды. Первое, что в данном случае обращает на себя наше внимание, это то, что мы не сумеем найти хотя бы одного человека, имеющего соответствующие всем этим раздражителям переживания и, следовательно, полностью отражающего действующую на него среду. Спросив каждого из них, какие звуки доносились со двора, какую песню пели студенты, какого цвета был галстук лектора, что было написано на доске, мы убедимся, что, как правило, на подобные вопросы почти никто не может ответить. Большинство отметит лишь то, о чем говорил лектор. Что касается других раздражителей, то об одних они абсолютно ничего не смогут сказать, о других же скажут, мол, слышалось что-то, но я не обратил внимания.

Таким образом, как видим, из огромного множества действующих на человека раздражителей в сознании отражается лишь их определенное число. Следовательно, наше сознание в каждый данный момент отражает лишь совершенно определенный отрезок действующей на нас действительности. Складывается впечатление, что ареал сознания узок и не способен вместить все то, что на нас действует. Данное обстоятельство отметил еще Гербарт, и с тех пор оно известно под названием «узости сознания».

Второе, что явствует из нашего примера, это то, что даже тот незначительный отрезок действительности, которой отражается в сознании, не переживается с одинаковой *отчетливостью*. То, о чем говорил лектор, субъект представляет ясно, однако что касается, например, той же доносившейся со двора песни, то он может сказать лишь то, что она действительно слышалась, но какая это была песня, он ответить не сможет. Зато субъект может сообщить более подробные сведения о лекторе, которого он действительно видел, о его голосе, который прекрасно слышал, о том, что лектор писал на доске формулы...

Следовательно, в центре сознания находится какое-либо одно переживание, испытываемое максимально отчетливо. Остальные переживания располагаются вокруг этого переживания, а их отчетливость зависит от близости к основному переживанию: чем ближе они к нему, тем явственнее переживаются.

Однако такую картину дает сознание лишь тех субъектов, активность которых состояла в слушании лекции. Но, предположим, что в аудитории находились и лица, имеющие, пусть даже временно, иную целенаправленность: например, у кого-то испортилась «вечная» ручка, и он, разобрав ее, пытается починить. Что можно сказать о содержании сознания этого субъекта? То же, что и о других: в данном случае ясно и отчетливо переживается лишь незначительный отрезок действительности, то есть данное переживание занимает в сознании центральное место, а все остальные переживания располагаются вокруг него. То, что не касается данного переживания, в сознании места не находит, причем более близкое переживается более явственно, а отдаленное — более туманно.

Одним словом, строение, структура сознания и здесь такая же, как в иных случаях. Тем не менее, различие велико; это различие касается *содержания*, ведь в данном случае центральное место в сознании занимает не содержание лекции, а *манипуляции, моторные акты*, к которым обращается субъект для достижения своей цели — починки механизма авторучки. Все остальное для него фактически не существует; пока он увлечен своим делом, он не слышит ни голоса лектора, ни доносящуюся со двора песню и ни что иное.

В аналогичном положении могут пребывать и другие. Например, кто-то очень старается слушать лекцию, но ему это не удается, так как у него в голове крутится задача, которую он не может решить вот уже второй день, а сейчас вроде бы нашел правильный путь... Заглянув в сознание данного субъекта, убедимся, что здесь ясным содержанием являются лишь мысли, связанные с задачей, тогда как все остальное почти полностью остается за пределами его сознания.

Во всех подобных случаях говорят о *внимании*: то, что расположено в центре сознания и переживается отчетливо, это и есть то, на что мы обращаем *внимание*; то же, что объективно существует, но не становится предметом нашего внимания, остается за пределами нашего ясного сознания. Таким образом, явления, характерные для процесса внимания, состоят в следующем: ясное переживание какого-либо отрезка действительности; его превращение в господствующее содержание сознания; переживание всех остальных содержаний лишь в увязке с ним. Энергия человека может быть задействована лишь в определенном направлении, и состояние внимания — это то состояние, когда наша энергия мобилизуется в данном определенном направлении.

Глава десятая

Психология воображения

Воображение

1. Воображение

Восприятие дает отражение актуальной объективной действительности, то есть той объективной действительности, с которой мы в данный момент взаимодействуем. Память также предоставляет отражение объективной действительности, однако лишь постольку, поскольку мы взаимодействовали с ней в прошлом. Одним словом, обе эти функции — и восприятие, и память — дают отражение независимой от нас объективной действительности, однако первая отражает лишь те стороны действительности, что воздействуют на нас в настоящем, а вторая — те, что воздействовали в прошлом.

Не имей мы памяти, действительность всегда ограничивалась бы лишь тем, что действует на нас в каждый данный момент, а это означает невозможность преодоления рамок заданности в настоящем и предопределенность нашего поведения только лишь сиюминутной ситуацией. Однако мы обладаем и памятью, позволяющей нам реагировать на действительность не только в зависимости от того, что дает нам восприятие, но и в соответствии с тем, что было когда-то дано: именно память освободила нас от рабства непосредственной ситуации, расширив границы действительности, в которых протекает наша активность.

Однако обе эти функции — и память, и восприятие — определены лишь тем, что поступает извне либо сейчас, либо поступило когда-то прежде. То, что никогда не являлось предметом нашего восприятия и может стать таковым лишь в будущем, для нас еще не существует вообще, еще не оказывает какого-либо влияния на наше поведение.

Однако наиболее важная особенность человека состоит и в том, что его поведение совершенно не ограничено узким ареалом действительности, предопределенным данностью в прошлом и настоящем. Человек переступает через пределы непосредственной данности и создает новую действительность. Возможность этого ему предоставляет *воображение*, или *фантазия*. Не довольствуясь тем, что дано объективно в виде содержаний восприятия и памяти, мы посредством фантазии начинаем воображать новые содержания, создавать новые представления, являющиеся не отражением данной через восприятие объективной реальности, а, наоборот, расширяющие ее пределы с целью создания новой действительности.

2. Представления памяти и фантазии в аспекте их содержания

Как при восприятии, так и в представлениях памяти нам всегда дается *нечто* — и восприятие, и представление с необходимостью подразумевают *предмет*, касаются *предмета*. То же самое происходит и в случае воображения: мы непременно вообразаем, представляем *нечто* — представление воображения также не может быть беспредметным. Однако помимо предмета, восприятие имеет и содержание; точно также содержание имеют как представления памяти, так и любые другие представления — в частности, представления фантазии.

Для того, чтобы найти различие между продуктами фантазии и восприятия или памяти, необходимо сопоставить их как с точки зрения предмета, так и содержания.

Начнем с содержания. Как известно, содержанием восприятия является наш чувственный материал, наши ощущения различных модальностей. Аналогичное содержание имеют и представления памяти. Что можно сказать о представлениях фантазии? Обратимся к какому-нибудь примеру, рассмотрим, допустим, одно из самых фантастических представлений — химеру, имеющую, по описанию Гомера, переднюю часть льва, среднюю часть козы, а конечную — змеи. Как видим, здесь нет ничего такого, что не может быть построено как из материала ощущений, так и любого другого. Материал здесь использован обычный, такой же, как и в случае восприятия. Различие состоит лишь в том, что данный материал оформлен, объединен иначе. Разумеется, сказанное касается отнюдь не только нашего примера, так происходит всегда и везде. Одним словом, представление фантазии содержит тот же материал, что и всякое представление восприятия и памяти; представление фантазии не может содержать такой содержательный момент, соответствующее которому ощущение мы никогда не имели. Известно, что слепые от рождения, сколь бы живой фантазией они ни обладали, никогда не смогут вообразить ни одного цвета.

Однако до сих пор мы имели в виду лишь качественную сторону содержания. Но различие может отмечаться по какому-либо количественному моменту — представления восприятия или памяти, быть может, отличаются от представлений фантазии по степени своей силы, ясности, живости! И действительно, существует мнение, что представления фантазии характеризуются особой живостью. Однако это неправильно. Несомненно, что в некоторых случаях воспоминание является настолько пластичным, явственным и живым, что переживается так, будто бы его предмет стоит перед нашими глазами, тогда как представления фантазии такой явственностью характеризуются не всегда — разве мало случаев, когда у человека с прекрасной памятью фантазия развита слабо! Такие случаи не только встречаются, более того, можно даже сказать, что особенно высокий уровень развития обеих этих функций у одного субъекта обычно не встречается. Память, в определенной мере, может даже мешать свободной работе, полету фантазии.

Но даже если бы подобное различие между представлениями фантазии и памяти существовало, его все равно невозможно использовать для их дифференциации, поскольку количественное различие — большая или меньшая живость — как таковое, еще не перешедшее в качественное различие, позволяет дифференцировать явления лишь внутри одной группы, то есть оно пригодно, так сказать, для интрадифференциации, но никак не интердифференциации.

Тем не менее, следует отметить, что все-таки имеется уважительный аргумент в пользу использования количественного аспекта при сопоставлении представлений фантазии и памяти. Дело в том, что память ограничена задачей отражения объек-

рациональных элементов. Но вслед за развитием интеллекта и в зависимости от достигаемого им уровня фантазия все больше и больше противопоставляется влиянию интеллекта, и начинается второй период — *критический период*, пора борьбы между объективностью интеллекта и субъективностью фантазии.

Третий период — это период победы интеллекта, когда фантазия насыщается его элементами и становится на путь рационального творчества. Следствием этого является то, что у некоторых фантазия резко снижается, они прощаются с идеалами молодости, своими прежними мечтами и погружаются в прозу жизни. Но для тех, кто обладает действительно богатой фантазией, привнесение рациональных элементов в фантазию создает лишь благоприятные условия — фантазия обогащается, проявляя истинно творческие способности.

Представленная схема нуждается в некоторых поправках. Следует подчеркнуть, что Рибо правильно указывает на основной, решающий момент в процессе развития фантазии. По его мнению, этот момент состоит в пронизывании фантазии рациональными элементами. И вправду, как известно, на пути развития фантазии особое значение имеет тот этап, когда пассивная, произвольная работа воображения превращается в активный, произвольный, творческий процесс. Однако этому предшествуют еще две ступени. Одна — ступень фантазии игры, которая феноменологически все еще не может быть сочтена ступенью подлинной фантазии и объективно представляет собой процесс диффузного характера. Вторая ступень, формирующаяся между 6—8 годами и проявляющаяся в форме свободной работы фантазии, уступает место указанному Рибо переходному периоду, сменяясь, в конце концов, ступенью продуктивной, активной фантазии.

Разумеется, как и в общем везде, здесь также следует учитывать, что достижение новых ступеней развития отнюдь не означает полное уничтожение старых, которые, правда в снятом виде, все-таки продолжают свое существование.

Библиография

I. Психология как наука

- Herbart J.** Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik. 2 Bd. 1824-1825
- Ebbinghaus H.** Grundzüge der Psychologie. Bd. III.
- Wundt W.** Grundzüge der physiologische Psychologie. 3 Bd. (1-е изд. 1874).
Он же. Grundriß der Psychologie, 15-е изд. 1992.
Он же. Probleme der Völkerpsychologie. 1921.
- Brentano F.** Psychologie vom empirischen Standpunkte. 1874. (2-е изд. 1924).
- Messer A.** Psychologie. 4-е изд. 1928.
- Köhler W.** Gestalt Psychologie. 1929-1930.
Он же. Psychologische Probleme. 1933.
- Koffka K.** Principles of Gestalt Psychology. 1935.
- Watson J.B.** Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. 3-е изд. 1929.
- Tolman E.** Purposive Behavior in Animals and Men. 1932.
- Mc Dougall W.** Outline of Psychology. 1923.
- Stern W.** Allgemeine Psychologie. 1935.
- Рубинштейн С.** Основы психологии. М., 1935.
- Узнадзе Д.** Основы экспериментальной психологии. Т. 1. Принципиальные основы и психология ощущений. Тифлис: издание Тифлисского ун-та, 1925. (на груз. яз.)
- Fröbes I.** Lehrbuch der experimentelle Psychologie. 2 Bd. 1929.
- Dumas G.** Nouveau Traité de Psychologie. Т. I, II, III, IV, V, VI.
- Klemm O.** Geschichte der Psychologie. 1911.
- Boring E. A.** A History of Experimental Psychology. 1929.

Библиография не является полной. Она содержит только те публикации, которые имеют основное значение для рассмотренных в книге вопросов.

II. Биологические основы личности

- Becher E.** Gehirn und Seele. 1911.
Stern W. Personalistik als Wissenschaft. 1930.
Он же. Die menschliche Persönlichkeit. 1923.
Kretschmer E. Körperbau und Charakter, 10-е изд. 1931.
Богомолец А. Кризис эндокринологии. 1927.
Орбели Л. Лекции по физиологии нервной системы. 1935.
Бериташвили И. Общая физиология. 1940.
Flourens. Recherches experimentales sur les propriétés et les fonctions du système nerveux dans les animaux vertébrés. 1842.
Gall F. I. Sur les fonctions du cerveau et sur celles de chacune des ses parties. 1825.
Soury I. Système nerveux central. T. II. 1899.
Лешли К. Мозг и интеллект. 1933.

III. Установка

- Узнадзе Д.** Основы экспериментальной психологии. Т. 1. Принципиальные основы и психология ощущений. Тифлис: издание Тифлисского ун-та, 1925. (н а груз. яз.)
Он же. Основной закон смены установки // Психология. 1930. Т. III, вып. 3.
Он же. Gewichtstauschung und ihre Analoga // Psychologische Forschung. 1931.
Он же. К психологии установки // Материалы к психологии установки. 1 Труды психологического общества Грузии. Тбилиси, 1938. (н а груз. яз.) (см. также: Untersuchungen zur Psychologie der Einstellung // Acta Psychologica. 1939).
Он же. К теории постгипнотического внушения // Труды научно-исследовательского института функционально-нервных заболеваний. 1. 1936. (н а груз. яз.)
Хмаладзе Г. Иллюзия объема // Труды психологического общества Грузии. 1938. Т. I. (н а груз. яз.)
Хачапуридзе Б. Иллюзорный характер действия установки // Труды психологического общества Грузии. 1938. Т. I. (н а груз. яз.)
Он же. К продолжительности искусственно созданной установки // Труды психологического общества Грузии. 1938. Т. I. (н а груз. яз.)
Мдивани К. Иллюзия установки в случае истерии // Труды научно-исследовательского института функционально-нервных заболеваний. 1936. Т. 1. (н а груз. яз.)
Бжалава И. Иллюзия установки в случае эпилепсии // Труды научно-исследовательского института функционально-нервных заболеваний. 1936. Т. 1. (н а груз. яз.)
Узнадзе Д. (Ред.) Материалы к психологии установки // Труды Тбилисского государственного университета. 1940. Т. 17. (н а груз. яз.)

IV. Эмоциональные процессы

- Wundt W.** Zur Lehre von Gemütsbewegungen // Philosophische Studien. 1890.
Он же. Grundriß der Psychologie. 1922.
Lehmann A. Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens. 1914.
Darwin Ch. The Expression of Emotions in Man and Animals. 1872.

McDougall W. Emotion and Feeling distinguished // Feeling and Emotion.

James W. What is an Emotion. 1884.

Lange C. Über Gemütsbewegungen. 1887.

Cannon W. Bodily Changes in Pain, Hunger and Rage. 1929.

Он же. The James-Lange Theory of Emotions // American Journal of Psychology. 1927.

Krueger F. Das Wesen der Gefühle. 1929.

Stern W. Allgemeine Psychologie. 1935. (Последняя глава)

Кречмер Э. Строение тела и характер. 1930.

Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. 1937.

Luria A. The nature of human conflicts. 1932.

V. Психология поведения

Ach N. Über den Willensakt und das Temperament. 1910.

Michotte A., Prüm E. Le choix volontaire et ses antécédants immédiats // Archives de Psychologie. 10. 1910.

Lewin K. Vorsatz, Wille und Bedürfnis // Psychologische Forschung. 7. 1926.

Он же. Die Entwicklung der experimentelle Willenspsychologie und der Psychotherapie. 1929.

Lindworsky I. Der Wille. 3-е изд. 1923.

Wundt W. Grundzüge der physiologische Psychologie. Bd. III.

Stern W. Allgemeine Psychologie. 1935 (V глава).

Aveling. Personality and Will. 1931.

Evald G. Temperament und Charakter. 1924.

Hoffman H. Das Problem des Charakteraufbaus. 1926.

Jaensch E. Psychologische Konstitutionstypen. Handwörterbuch der medizinische Psychologie. 1930.

Jung C. G. Psychologische Typen. V. 1930.

Klages L. D. Grundlagen der Charakterkunde VI. 1928.

Spranger E. Lebensformen. 1930.

VI. Ощущение и восприятие

Helmholtz H. Handbuch der physiologischen Optik, 3 Bd. 1909-1911.

Он же. Die Lehre von den Tonempfindungen. 1913.

Katz D. Der Aufbau der Tastwelt. 2-е изд. 1925.

Он же. Der Aufbau der Farbwelt. 2-е изд. 1930.

Он же. Methoden zur Untersuchung des Vibrationssinnes, 1930.

Henning H. Der Geruch. 1924.

Weber E. H. Tastsinn und Gemeingefühl // Wagners Handwörterbuch der Physiologie. 3. 1846.

Узнадзе Д. К проблеме постижения значения (Содержание и предмет) // Известия Тифлисского ун-та. Т. VII. 1927. (на груз. яз.)

Библиография

407

- Он же. Психологические основы наименования // Наша наука, 1923. (н а груз. яз.)
- Он же. Основы экспериментальной психологии. Т. 1. Принципиальные основы и психология ощущений. Тифлис: издание Тифлисского ун-та, 1925. (н а груз. яз.)
- Uznadze D.** Zum Problem der Bedeutungserfassung // Archiv der Psychologie. 1927.
- Он же. Die Psychologische Grundlagen der Namengebung // Psychologische Forschung. 5. 1924.
- Ehrenfels Chr.** Über Gestaltqualitäten // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 14. 1890.
- Köhler W.** Über unbemerkte Empfindungen und Urteilstauschungen // Zeitschrift für Psychologie. 66. 1913.
- Он же. Die Physischen Gestalten in Ruhe und stationarem Zustand. 1920.
- Он же. Gestaltpsychologie. 1929-1930.
- Rubin E.** Visuell wahrgenommene Figuren. Т. I. 1921.
- Wehrteimer M.** Drei Abhandlungen zur Gestalttheorie, 1925.
- Он же. Untersuchungen zur Lehre von der Gestalt // Psychologische Forschung.
- Он же. Experimentelle Untersuchungen über das Sehen der Bewegung // Zeitschrift für Psychologie. 61, 1912.
- Hornbostel E. M.** Die Einheit der Sinne, Melos, 1925.
- Zietz K.** Die gegenseitige Beeinflussung von Farb- und Tonerlebnissen // Zeitschrift für Psychologie. 121, 1931.
- Кравков С., Теплов Б.** (ред.). Зрительные ощущения и восприятия. М., 1935.
- Stumpf C.** Über der psychischen Ursprung der Raumvorstellung. 1873.
- Benussi V.** Psychologie der Zeitauffassung. 1913.
- Bourdon B.** La perception // Dumas G. (ed.) Nouveau traité de Psychologie. Т. V. 1936.

VII. Память

- Hering E.** Über das Gedächtnis als allgemeine Funktion der organisierten Materie, 1870.
- Stern W.** Psychische Präsenzzeit // Zeitschrift für Psychologie. 13. 1897.
- Betz W.** Vortstellung und Einstellung // Archiv für die gesamte Psychologie. 17. 1910.
- Jaensch E.** Über den Aufbau der Wahrnehmungswelt. 2-е изд. 1927.
- Kroh O.** Subjective Anschauungsbilder bei Jugendlichen. 1924.
- Claparède Ed.** L'association des idées. 1909.
- Ebbinghaus H.** Über das Gedächtnis. 1885.
- Iost A.** Assoziationsfestigkeit in ihrer Abhängigkeit von der Verteilung der Wiederholungen // Zeitschrift für Psychologie. 14. 1897.
- Müller G. E.** Zur Analyse der Gedächtnistätigkeit und des Vorstellungsverlaufes. 3 Bde. 1911, 1917, 1924.
- Bühler K.** Über Gedankenerinnerungen // Archiv für die gesamte Psychologie. 12, 1908.
- Bartlett R. I.** Remembering. 1932.
- Thorndike E. L.** The Fundamentals of Learning. 1932.
- Stern W.** Allgemeine Psychologie. 1935.
- Stern W. und Cl.** Erinnerung - Aussage und Lüge in der frühen Kindheit. 4-е изд. 1931.

- Pieron H.** La mémoire // Dumas G. (ed.). Nouveau traité de Psychologie. T. IV.
Brunswik E. Untersuchungen zur Entwicklung der Gedächtnisses. 1932.
Ranschburg P. Das kranke Gedächtnis. 1911.
Volkelt H. Über die Vortstellungen der Tiere.
Узнадзе Д. Восприятие и установка (С точки зрения биосферной психологии) // Известия Тифлисского ун-та. Т. VI. 1926. (на груз. яз.)
Блонский П. Память и мышление. 1935.
Леонтьев А.Н. Развитие памяти. 1931.

VIII. Мышление

- Ach N.** Über der Willenstatigkeit und das Denken, 1905.
Он же. Die Begriffsbildung, 1921.
Binet A. La pensée sans images // Revue philosophique. I. 1909.
Bühler K. Die Sachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgänge // Archiv für die gesamte Psychologie. 9 und 12.
Cassirer E. Philosophie der Symbolischen Formen. Bd. I Die Sprache, 1923. Bd. II Das mytische Denken. Bd. III Phänomenologie der Erkenntnis. 1929.
Grünbaum A. A. Über der Abstraktion der Gleichheit // Archiv für die gesamte Psychologie. 12. 1908.
Köhler W. Intelligenzprüfungen an Menschenaffen, 2-е изд. 1924.
Kulpe O. Versuche über der Abstraktion // Berichte über der 1. Kongress der experimentelle Psychologie. 1904.
Levy-Brühl L. Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. IX, 1930.
Он же. L'âme primitive. IV 1930.
Lindworsky I. Das Schlußfolgende Denken, 1916.
Lipmann O. und **Bogen H.** Naïve Physik. 1923.
Marbe K. Experimentelle Psychologische Untersuchungen über das Urteil, 1901.
Messer A. Empfindung und Denken. III. 1928.
Натадзе Р. Развитие понятия в онтогенезе // Труды Тбилисского гос. ун-та. Т. 17. 1940. (на груз. яз.)
Piaget J. Le langage et la pensée chez l'enfant. 1923.
Piaget J. Le jugement et le raisonnement chez l'enfant. 1924.
Он же. La représentation du monde chez l'enfant. 1926.
Он же. La causalité physique chez l'enfant. 1927.
Selz O. Die Gesetze der productiven und reproductiven Geistestätigkeit. 1924.
Он же. Zur Psychologie des productiven Denkens und des Irrtums. 1922.
Störing G. Experimentelle Untersuchung über einfache Schlußprozesse // Archiv für die gesamte Psychologie. 1908.
Он же. Das urteilende und schliessende Denken in kausaler Behandlung. 1926.
Uznadze D. Die Gruppenbildungsversuche im vorschulpflichtigen Alter // Archiv für die gesamte Psychologie. 1929.

Библиография

409

- Он же. Die Begriffsbildung im vorschulpflichtigen Alter // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1930.
- Хундадзе Ф.** Развитие познавательного интереса в школьном возрасте. 1936. (на груз. яз.)
- Watt H. I.** Experimentelle Beiträge zur Theorie des Denkens // Archiv für die gesamte Psychologie. 1904.
- Werner H.** Einführung in die Entwicklungspsychologie. 2-е изд. 1933.
- Wertheimer M.** Über das Denken der Naturvölker // Zeitschrift für Psychologie. 60. 1912.
- Willwoll A.** Begriffsbildung. 1926.
- Wundt W.** Über Ausfrageexperimente und über die Methoden zur Psychologie des Denkens // Psychologische Studien. 3. 1907.

X. Воображение

- Freud S.** Traumdeutung. 1899.
- Он же. Zur Psychopathologie des Alltagslebens. 1904.
- Groos. K.** Die Spiele der Tiere. 1896. (3-е изд. 1930).
- Он же. Die Spiele der Menschen. 1899.
- Он же. Der ästhetische Genuss. 1902.
- Kerschensteiner G.** Die Entwicklung der zeichnerischen Begabung, 1905.
- Müller-Freienfels R.** Psychologie der Kunst. 1923.
- Он же. Das Denken und die Phantasie. 1925.
- Stern W.** Allgemeine Psychologie. Гл. XVIII. Phantasie.
- Узнадзе Д. Сон и сновидение. Тифлис, 1936. (на груз. яз.)
- Он же. Восприятие и представление (С точки зрения биосферной психологии) // Известия Тифлисского ун-та. Т. VI. 1926. (на груз. яз.)
- Wundt W.** Völkerpsychologie der Kunst.

XI. Важнейшие периодические издания

- Psychological Abstracts. N. J. American Psychological Association (Короткие рефераты текущей психологической литературы).
- Psychological Bulletin (Периодические тематические рефераты). Там же.
- American Journal of Psychology. N. J. Cornell University.
- Acta Psychologica. Den Haag. Martinus Nijhoff.
- Année psychologique. Paris.
- Journal de Psychologie normale et pathologique. Paris.
- Psychologische Studien - Вундта (до 1917 года).
- Neue psychologische Studien. Leipzig.
- Psychologische Forschung. Berlin.
- Archiv für die gesamte Psychologie. Leipzig.
- Zeitschrift für Psychologie. Leipzig.
- Zeitschrift für angewandte Psychologie. Leipzig.
- Психология. Москва (больше не выходит).

Содержание

Научное творчество Д.Н. Узнадзе и проблемы общей психологии. <i>И.В. Имедадзе</i>	3
Предисловие;	25
Глава первая. Введение в психологию	26
Предмет и задачи психологии.....	26
Методы психологии.....	33
Самонаблюдение.....	33
Наблюдение за другими.....	37
Эксперимент.....	42
Классификация явлений сознания.....	47
Опосредованный характер психических процессов.....	49
Глава вторая. Биологические основы личности	54
Предварительные замечания.....	54
Конституционное учение.....	55
Внутренняя секреция.....	57
Нервная система.....	58
Учение о локализации.....	63
Глава третья. Психология установки	69
Установка.....	69
Фиксированная установка.....	79
К общей психологии установки.....	82
К дифференциальной психологии установки.....	86
Установка в патологических случаях.....	88
Глава четвертая. Психология эмоциональных переживаний	91
Эмоциональные переживания.....	91
Чувство.....	94

Содержание 411

Эмоции и попытки их классификации.....	99
Качественная характеристика эмоциональных переживаний.....	102
Градуальная характеристика эмоционального переживания.....	106
Эмоциональное переживание и тело.....	111
Темперамент.....	116
Глава пятая. Психология поведения.....	120
Импульсивное поведение.....	120
Воля.....	127
Выполнение волевого акта.....	130
Акт решения.....	135
Вопрос о твердости воли.....	137
Мотивация - период, предшествующий волевому акту.....	143
Патология воли.....	155
Другие виды активности.....	159
Онтогенетическое развитие активности.....	162
Характер.....	165
Глава шестая. Психология восприятия.....	172
Элементарные условия и закономерности восприятия.....	172
Психология ощущений.....	181
Зрение.....	181
Слух.....	185
Вкус и обоняние.....	189
Модальности осязания.....	190
Интермодальное единство ощущений.....	194
Восприятие.....	197
Восприятие пространства.....	211
Восприятие времени.....	215
Наблюдение.....	219
Онтогенетическое развитие восприятия.....	222
Глава седьмая. Психология мнемических процессов.....	226
Простейшие формы мнемических процессов.....	226
Непосредственная память.....	228
Эйдетический образ.....	230
Персеверация.....	233
Узнавание.....	234
Ассоциация представлений.....	239
Формы активной памяти.....	248
Учение и припоминание.....	249
Учение.....	252
Факторы скорости заучивания.....	253
«Законы» заучивания.....	257
Забывание.....	262

Воспоминание.....	268
Психология показаний.....	271
Теории памяти.....	275
Заболевания памяти.....	280
Онтогенетическое развитие памяти.....	282
Глава восьмая. Психология мышления.....	289
Мышление.....	289
Практическое мышление.....	297
Образное мышление.....	308
Понятийное мышление.....	315
Развитие мышления в онтогенезе.....	333
Глава девятая. Психология внимания.....	342
Внимание.....	342
Свойства внимания.....	346
Протекание процесса внимания.....	353
Факторы произвольного внимания.....	356
Влияние внимания.....	358
Внимание и организм.....	362
Патология внимания.....	364
Развитие внимания в онтогенезе.....	365
Глава десятая. Психология воображения.....	368
Воображение.....	368
Пассивная фантазия.....	377
Активная фантазия.....	389
Фантазия в онтогенезе.....	394
Игра.....	396
Последующее развитие фантазии.....	402
Библиография.....	404

Научное издание

Узнадзе Дмитрий Николаевич
Общая психология

Перевел с грузинского Е. Чомахидзе

Научный редактор
Художник
Корректор
Верстка

*И. Имедадзе
Э. Марков
Н. Степина
О. Кокорева*

Лицензия ИД № 05784 от 07.09.01.

Подписано в печать 26.03.04. Формат 70X100/16. Усл. п. л. 33,54.

Тираж 4000 экз. Заказ № 2279.

ООО «Питер Принт». 196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, д. 67в.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 953005 — литература учебная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор» им. А. М. Горького
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Серия «Живая классика»

В серии выходят основополагающие работы и сборники избранных трудов выдающихся отечественных и зарубежных психологов XX века, которые сохранили свою актуальность для научных исследований и университетского психологического образования. Серия адресуется психологам, в том числе студентам.

В серии «Живая классика» в 2000—2004 годах вышли:

Леонтьев А.Н.

Лекции по общей психологии

Левин К.

Динамическая психология: Избранные труды

Олпорт Г.

Становление личности: Избранные труды

Лурия А.Р.

Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии

Леонтьев А.Н.

Становление психологии деятельности: Ранние работы

Бернштейн Н.А.

Современные искания в физиологии нервного процесса

Узнадзе Д.Н.

Общая психология

Готовится к изданию

Мюррей Г.

Персонология: Избранные труды

Желающие заказать книги издательства «Смысл» по почте в индивидуальном порядке могут прислать запрос по адресу:
103050, Москва-50, а/я 158, издательство «Смысл»,
Справки по телефону (095) 195 37 13, (095) 189 95 88
e-mail: books@smysl.ru
<http://www.smysl.ru>